

Алёна Медведева

Как не везет попаданкам!

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Я не верю в магию! Зато она, похоже, верит в меня. Вот так я и стала попаданкой. Но не сдаваться же, если очнулась в новом теле и в незнакомом мире! Кто сказал, что это неприятности? Вот и я намерена повернуть досадную случайность себе на пользу. Я красива, умна, и меня ждут прекрасные деяния!

Поспешила с выводами? Деяния должны быть кровавыми?! А вместо принца мне уготован нищий? Какой-то неправильный мир, и что-то во всей этой истории явно не так.

Боги плетут интриги, недруги готовят испытания, а я стараюсь не влюбляться. Что прикажете делать невезучей попаданке? Только спорить с судьбой!

Хотела ли я попасть в другой мир? Нет! А попала...

Алёна Медведева

Как не везет попаданкам!

— Тариль! Тариль! — Странный окрик заставил встрепенуться и резко распахнуть глаза. Пригрелась на жарком от южного солнышка песочке и не заметила, как задремала.

Но зачем же так орать? Негодующая мысль едва вспыхнула в сознании, как я поняла, что стало причиной пробуждения: меня кто-то тряс за плечо.

Ошарашенно посмотрев на тонущую в потемках гранитную поверхность над головой, медленно перевела взгляд и вновь услышала завывания:

— Тариль! Тариль!

Недоумение выросло многократно. Мне казалось, что я все еще сплю и никак не могу проснуться.

— Э-э... вы ко мне?

Со сна вышло сипло и едва различимо, но женщина (в окружающей полутьме я каким-то инстинктом распознала в причине беспокойства даму) так тревожно сопела, что вряд ли поняла смысл моих слов. Зато уловила шевеление и с облегчением заголосила вновь:

— Как же хорошо, что вы проснулись! У нас беда! Владычица негодует — уже четвертую ночь мы истязаем воина, но результатов нет. Не только вопля боли или мольбы о помощи — ни единого хрипа. Каждую ночь все жители нашего города собираются под стенами башни тариль и... ждут. Напрасно. Владычица решила, что вы не справились, не сумев заставить последнего воина корчиться от боли. А если не справилась тариль... В общем, она приказала на рассвете обезглавить весь наш род. Если вы так и не сумеете заставить его сегодня мучиться.

Что за... С трудом веря собственным ушам, я пыталась осознать слова женщины. Я сошла с ума?

— А-а-а... это сон? — едва слышно забормотала я и потрясла головой. Прийти в себя никак не получалось.

— Тариль, умоляю, простите, что посмела разбудить вас! — Странная женщина поняла меня по-своему. — Все мы знаем, что вы безумно устали истязать монстра. Жгли его тело огнем, вырезали его проклятые органы острым кинжалом, обливали кислотой, протыкали сотнями острейших игл и пик, избивали плетью и травили ядами ужасных змей... Никто из нас не смог бы придумать пыток более изощренных и мучительных.

Мамочки, что за изверга она тут описывает? Это же палач какой-то, мучитель! Опешив, я просто дара речи лишилась. Тем более обращались явно ко мне.

А незнакомка, не замечая моего потрясения, голосила дальше:

— Не зря именно вы тариль нашего рода. И всегда ранее ваши старания и истинный талант давали должный результат и приносили неизменное процветание нам всем. Все пленники, попавшие в ваши руки, молили о смерти, как о самой вожаделенной мечте, кричали так, что стены города дрожали, а наш народ заходил в экстазе от восторга. Но не в этот раз, увы! — Женщина уже кричала в ярости. — Род Двааль, эти жалкие бесхребетные неумехи, посмели обвинить, заявили, что вы слишком мягки и недостойны называться верховной тариль нашего народа. Они потребовали наказать вас, низвергнув наш род, а пленника выдать им. Они клянутся, тариль их рода справится куда лучше и усладит слух владычицы стоном агонии мерзкого варвара. Меня отправили просить... умолять вас спасти нас! Спасти наш род! Сжигайте его, съедайте заживо, травите его тело кислотой, а душу

страхом, но заставьте его мучиться! Кричать...

Отказываясь верить своим ушам, я безмолвно смотрела на возвышающуюся надо мной особу. Видела, как двигаются ее губы, произнося все эти ужасающие слова, но осознать никак не могла.

Я точно спятила! Дожила до маразма? Кто вообще эта женщина?!

Выглядела незнакомка соответственно ситуации — странно. Даже в окружающей полутьме была заметна ее впечатляющая мощная фигура, облаченная в светлый мешковатый балахон, мертвенная бледность лица и... острые клыки, открывающиеся взгляду при каждом движении губ. В ней было что-то нечеловеческое.

При этом странная особа еще и тянула меня куда-то вверх, вынуждая подняться. В общем безумии происходящего легкость и проворство собственного тела остались незамеченными. Я в состоянии шока встала, последовала по каким-то каменным узким и темным переходам за незнакомкой.

Даже движения собственного тела прочувствовать не получалось. Я, словно что-то бестелесное, плыла в тумане, отстраненно сознавая, что двигаются мои руки и ноги. Подумав об этом, подняла ладонь, желая коснуться собственной головы. И изумленно вздрогнула, нащупав длинные гладкие волосы и лишенный морщин лоб.

Все спятившие ощущают себя кем-то другим?

— Времени на отдых больше нет, моя тариль! У вас всего час, чтобы подготовиться к пыткам. Скоро взойдет луна и тогда вам останется лишь эта ночь. А утром нас всех или казнят, или наградят. Спасите нас, о моя тариль!

Женщина, которая стремительно неслась впереди меня, с ловкостью кошки ориентируясь в каменном лабиринте, на ходу взывала и заламывала руки. Меня же никак не оставляло ощущение полнейшего недоумения. Оно даже страх заставило отступить на второй план.

— А-а-а... — попыталась я вновь собраться с мыслями, борясь с подступающей паникой — ощущение сумасшествия было абсолютным.

Но тут моя спутница замерла напротив громоздкой двери. Поразительно легко толкнув ее, шагнула внутрь. Мне ничего не оставалось, как последовать туда же. В небольшом помещении оказалось немного светлее — имелось окно, сейчас позволявшее последним лучам заходящего солнца рассеивать тьму этих холодных катакомб.

— Вот он! — провозгласила с ненавистью моя спутница. — Проклятый колдун и вестник зла маолхов! Его мерзкая магия вновь позволила исцелиться от ран, в избытке нанесенных вами вчера, моя тариль!

Впрочем, в слова незнакомки я вслушивалась вполуха, споткнувшись на месте. Это льющий в окно свет позволил мне наконец рассмотреть себя. Изящные, чересчур бледные руки с остренькими коготками, покрытыми белоснежным лаком, и, что самое потрясающее, высокую и вполне приметную грудь, обтянутую какой-то эластичной тканью.

Мамочки... Пусть в моем возрасте хвататься за родительскую юбку несолидно, но именно матушку я вспомнила с перепугу. Это не мое тело! И это совсем не санаторий. И этой рассуждающей о пытках и прочих зверствах особы рядом со мной быть не может! Господи, как это все понимать?

Мозг лихорадочно искал хоть какие-то объяснения. С чего бы мне вдруг спятить? Ничто же этого не предвещало! И неужели это может случиться так внезапно, так... реалистично?

Вспомнился недавно прочитанный роман из популярного сейчас у молодежи фэнтези

про переселение души в другое тело, заставив споткнуться на ровном месте. Я попаданка? Брр... Скорее поверю в сумасшествие!

В слабой надежде, что перегрелась на солнышке и мучаюсь «фэнтезийными» галлюцинациями, я энергично ущипнула себя за бедро. К слову сказать, последнее также ощущалось очень крепким и мускулистым. А физкультурой я сроду не увлекалась. Боль заставила подпрыгнуть на месте и, оторвав взгляд от собственного бюста, перевести его на типа, прикованного к стене напротив.

Ма-а-амочки, все реально! И чужое тело, и... пленник.

Мужчина, о котором говорила моя спутница, был не просто громадным. Высокий рост, огромное мускулистое и покрытое шрамами тело меня шокировало! Такого крупного представителя сильного пола отродясь не видела.

Покойный муж мой тоже был мужчиной приметным, но этот дикарь...

Я поперхнулась воздухом, невольно закашлявшись. И не в последнюю очередь потому, что встретила с ним взглядом. Глаза пленника, тело которого удерживало возле стены множество металлических колец, горели ненавистью. Да и весь его облик буквально кричал о дикости, силе и неукротимости.

О мести. Неизбежной и неумолимой.

Мужчина был обнажен. В беспорядке свалывшиеся пряди волос заслоняли лоб, свисали до плеч. В неясном свете плохо освещенного помещения я заметила надорванную мочку уха и странные татуировки, которыми в избытке было испещрено его тело. Натужно натянутые вены на вздутых бицепсах, — вопреки всему он и сейчас силился вырваться.

Рот незнакомца был оскален в жуткой гримасе, щеки впали, крылья носа трепетали, словно он принюхивался к моему запаху.

— Тварь! — Яростным окликом вырвав меня из созерцательного транса, взорвалась моя провожатая и с поразительной силой хлестнула по груди мужчины гибким металлическим прутком, изобилующим острейшими шипами, которые оставили ужасающий рваный след на его теле. Пленник даже не поморщился — не шелохнулся, не застонал. Лишь во взгляде проступило презрение.

А моя провожатая, словно впад в неистовство от этого безмолвия, в исступлении принялась наносить все новые удары, разрывая кожу на животе пленника на кровоточащие лоскуты.

Ощувив мгновенно подступившую дурноту, я протестующе вскинула руку:

— Нет! — Терпеть такие зверства я была неспособна. Голос прозвучал пусть и негромко, но твердо.

— О моя тариль, — мгновенно опомнилась незнакомка и рухнула на колени, отбросив свое жуткое оружие. — Прости мою несдержанность! Я понимаю, что в умении наказывать я и близко не сравнюсь с вами, но этот варвар... О, как же я желаю его мучений!

На последней фразе в голосе женщины проступило запредельное отчаяние. Прежде чем она смогла продолжить, снаружи раздался трубный звук, возможно, какого-то горна.

— Время пошло, — вздрогнула моя спутница. — Моя тариль, весь наш род этой ночью будет возносить богам молитвы, умоляя даровать вам силы и самые изощренные идеи в надежде, что вы выполните свое предназначение, заслужив для нас прощение владычицы. Все уже готово для вас. — Женщина взглядом указала на стену за моей спиной. — Все инструменты наточены, гады ползучие годны и полны яда, тошнотворные порошки и гремучие смеси составлены, очаг разожжен. Должны ли мы еще как-то помочь вам, о моя

тариль?

Оглянувшись в безмолвном испуге, увидела столы, заставленные, на мой взгляд, жуткими вещами. Имелись тут и клетки, в которых клубками свились змеиные тела, и черепа неизвестных мне животных, еще какие-то части чьих-то тел, склянки с дурно пахнущими смесями, а главное — целый стеллаж с колюще-режущими предметами.

— Н-нет... — Я нервно дернула головой, искренне не желая иметь ничего общего с происходящим «зоопарком».

Отчаянно хотелось моргнуть и проснуться. Пожалуй, я ничего в жизни не желала так сильно, чтобы это оказалось сном, просто безобидным кошмаром. Я даже на сумасшедший дом была согласна. Уж лучше санитары и смирительная рубашка, чем... Нет, нет! Попаданок не существует, это выдумки писателей.

Вновь бухнувшись лбом об пол, злобная женщина снова привлекла мое внимание. Она по-своему поняла мой возглас и забормотала:

— Не смею мешать вам, моя тариль. Да пребудет с вами сегодня долгая ночь!

Вскочив на ноги, незнакомка метнулась к двери и оставила меня наедине с огромным пленником. Вспомнив об этом безрадостном факте, я резко обернулась к нему и снова пристально всмотрелась в лицо мужчины. Он же, напротив, не проявлял никакого интереса к моей персоне и, игнорируя раны на животе, смотрел в окно на ночное небо.

И его мне надо замучить до «почечных колик»? Заставить кричать от боли? — мысленно обалдела я. — Иначе утром казнят?

С осторожностью приподняв руку, ударила ладонью по лбу. Потом шлепнула по плечу, прикусив губу от рвущегося наружу вопля ужаса. В завершение, сжав ладонь в кулак, притиснула ее к груди и, зажмурившись, застонала.

Собственные ощущения буквально кричали: это я! Мое тело. Пусть оно и было не моим. А значит... Что это означает, даже мысленно произнести я была не в силах, настолько жутко было признать такую данность. Как можно, будучи еще в здравом уме, поверить в попаданчество? Да никак! Но и сомнений в ясности рассудка, вопреки всему, не было.

Итак, этот дурдом мне не снится. Я в чужом теле.

Обидно... Не то чтобы я мечтала о «втором шансе», возможности прожить еще одну жизнь, но всего лишь сутки в новом мире, это как-то излишне сурово! Судьба таких злобных «сотоварищей», как моя провожатая, нисколько не волновала — таких злодеек я и сама бы казнила, будь на то моя воля.

За паническими размышлениями не сразу уловила какое-то подозрительное шевеление у подола платья. Сообразив же, устремила взгляд вниз. Света от горящего огня вполне хватило, чтобы увидеть... мышь! А рядом еще одну, и еще! Сознание едва восприняло этот факт, а визг ужаса уже вырвался из глотки — мышей боюсь с детства.

Шарахнувшись в сторону варвара — когда страшно, инстинктивно тянет к кому-то большому и сильному, услышала ответный вопль множества разочарованных глоток. В еще большем страхе резко закрыла рот ладонью, вспомнив о том, что нас «слышат» многие ждущие агонизирующих криков пленника. Мыши, к счастью, тоже разбежались. А я, присмотревшись, обнаружила на одном столе клетку с грызунами, вероятно предназначенными на корм змеям. Мыши сподобились на побег, перегрызли прутья!

«А чем я хуже? — мгновенно всплыл в голове вопрос. — Надо драпать из этого жуткого места. Вдруг тут не везде в моде такой садизм?..»

Приободрившись от первой позитивной мысли, осторожно посмотрела на варвара. Тем

более стояла совсем рядом с ним. Встретившись с женщиной взглядом, испытала чувство неопишемого смущения: оказывается, все это время он наблюдал за мной! Более того, в полутьме в его прищуренных глазах мне почудилось пристальное внимание.

Сглотнув, вспомнила, что должна поддерживать ампулу жестокой и кровожадной, как ее... палача, одним словом. Это залог моей безопасности? Ведь чем позже догадаются, что в этом теле кто-то не «местный», тем мне лучше? Передернув плечами, заносчиво задрала подбородок: нечего смотреть на меня свысока! Озвереть могу и я!

Тем более умирать поутру совсем неохота. Держа спину прямо, прошагала к стеллажу с пыточными инструментами, иначе все эти длинные острые спицы, мечи и клещи назвать не могла.

Я бы от одного их вида завопила. А что, если... — Надежда была наивной и отчаянной, но вдруг?..

Выхватив парочку попавшихся под руку «агрегатов», я решительно развернулась в сторону мужчины. Шагнула ближе к нему, еще ближе... Пленник не шелохнулся, продолжая наблюдать за мной. Лишь губы его слегка дрогнули, вытянувшись в жесткую линию. Подойдя вплотную, угрожающе взмахнула острым тяжелым крюком перед лицом мужчины. И если я и помыслить не могла, что делали с ним этой штуковиной, содрогаясь даже от самых невинных предположений, то варвар просто проигнорировал мой маневр.

С подступающим раздражением я снова взмахнула крюком, изображая намерение его ранить. Эффекта — ноль, варвар и бровью не повел. Неловко попытавшись стукнуть мужчину по плечу тяжелой ручкой, умудрилась выронить крюк.

Проклятье!

Крюк шлепнулся на пол, одним концом ощутило приложив меня по ступне. Зашипев от боли и кусая губы, чтобы не завопить — толпа снаружи мой вопль бы точно не оценила, — я прыгала на одной ноге, пережидая волну накатившей боли.

Переведя дыхание и пнув злосчастный крюк, посмотрела на острую спицу, которую держала в другой руке. Потыкать ею в живое существо было откровенно страшно — конец казался реально острым. В чем я и убедилась, коснувшись его пальцем. На светлой коже тут же проступила капелька крови. Брр...

Отступив в немом ужасе, подняла взгляд на пленника. Мужчина пристально смотрел на меня, его глаза были широко распахнуты — при свете огня в очаге я отчетливо видела их блеск. Я явно поразила его своей неумелостью! После предыдущих-то ночей...

Что делать? Что? Где-то там снаружи эта их владычица, что обещала казнь на рассвете, если варвар не начнет вопить во все горло от боли.

Раздраженно отбросив спицу, отвернулась от пленника, шагнув к огню. Страх вызывал озноб, и хотелось почувствовать тепло жаркого пламени. Присев на небольшой стул возле очага, заметила погруженные в угли железяки. Для чего они, я уже догадывалась. Как и о том, что вряд ли смогу замучить этого мужчину, доведя его до громогласных воплей.

«Скорее уж насмешу его своими попытками», — признала я факт собственного бессилия. Воин был не чета мне — настоящим и закаленным.

И тут же подумала: а только ли болью можно заставить его кричать? Молить о пощаде? Вспомнилось совсем далекое детство, как мы с братьями щекотали друг друга до слез и крика. А если и с этим несговорчивым способ сработает?..

Вновь обернувшись к пленнику, обнаружила, что он так и не отвел от меня взгляда. Более того, мне почудилось чувство тревоги в выражении его лица. Какого-то затаенного

напряжения... Впрочем, смотреть в его глаза долго не могла, взгляд невольно перемещался ниже, к кровоточащим ранам. Остаться бесчувственной к состоянию истекающего кровью мужчины не получалось. Вздохнув, я поднялась и еще раз осмотрелась.

На столике в углу обнаружила металлический кувшин с водой и небольшой тазик для омовений. Рядом лежала и мягкая ткань. Порвав ее на части, небольшой лоскут обмакнула в воду и двинулась к мужчине. Стараясь избегать его взора, приложила влажную ткань к животу, мгновенно почувствовав, как напрягся пресс.

Не знаю, какой изощренной гадости он ожидал от меня, возможно, чего-то разъедающего плоть, но, промокнув спекшуюся кровь, я перебинтовала его рану. И отступила, в задумчивости осматривая дело рук своих и прикидывая, как осуществить задумку.

Попаданка я или все же плод собственного больного воображения, но ситуация требует решения.

У варвара нервно дрогнуло веко. Определенно своей нерешительностью я заставила его недоумевать и беспокоиться о дальнейшем.

«Это хорошо!» — размышляла я, окидывая взглядом подмышки закрепленных над головой рук, крепкую шею, грудь и пах, — намечая цели.

Большой жизненный опыт, который был следствием солидного возраста, позволял сконцентрироваться на основной цели — на спасении. О «прелестях» мужского тела не задумывалась. Если бы еще так же легко можно было заставить себя не нервничать...

Черт! Поспешно дернувшись вперед, не учла мобильности нового тела и ткнулась носом прямо в мужскую грудь.

Варвар охнул, и я приободрилась: на какую-то реакцию он способен. А значит...

Мысленно я уже удвоила усилия. Подняв взор на неподвижное от напряжения лицо пленника, очаровательно улыбнулась в ответ на его застывший взгляд. Так это виделось мне, хотя варвар отчего-то попытался податься назад, но помешала стена. Нахмурившись, прикусила краешек нижней губы и осторожно опустила на мужскую грудь свою ладонь. Пленник содрогнулся.

— Пока... все хорошо, — слегка запнувшись, многозначительно прошептала я, — лучше бы вам покричать для виду. Иначе...

Даже если я спятила, не буду бездействовать.

Я решила напустить тумана, понимая, что пленнику в любом случае ничего не светит. А мне надо как-то выкручиваться из затруднительного положения. Но неразумный дикарь и не подумал благородно поспешить мне на помощь — упорно молчал. Лишь глаза в полутьме сверкали яростью.

«Упрямишься?» — привычно побарабанив пальчиками, осознала, что касаюсь мужской груди своей так и не отведенной ладонью.

— Могу помочь сбежать, — в последней попытке договориться миром, подмигнула я пленнику.

Не факт, конечно, что смогу, но обреченному на гибель и иллюзия — надежда.

Неразумный варвар в ответ оскалился, демонстрируя прекрасные зубы и крайнюю степень неприязни.

— Сам виноват, — раздраженно шикнула я, проклиная всех упрямых пленников во вселенной, толкающих меня к краю пропасти. — Придется мне действовать на свой страх и риск.

Конкретно как, я еще не знала, но вопрос острой необходимости назрел. Поэтому, в задумчивости продолжая подушечками когтистых пальчиков выписывать круги уже на твердом поджаром животе мужчины, предавалась самым отчаянным мыслям, когда...

Расслышала едва уловимый хрип. Нет, булькающий стон!

Пораженно подняв взгляд на лицо пленника, увидела испуг в его взгляде. И смотрел он на мою ладонь на своем напряженном прессе. Я, проследив за его взглядом, тоже уставилась на нее. А затем и чуть ниже — на его бедра.

«Ага!» — торжествующе завопила женская интуиция. Она раньше меня, опираясь на большой опыт замужней жизни, сообразила: варвар попался на элементарном.

Не знаю, чем и как его мучила моя предшественница, но я только что случайно выяснила способ разговорить несговорчивого пленника. Единственное...

В скудно подсвеченной огнем темноте комнаты я пристально осмотрела мужское тело, оценивая его уже с практической точки зрения.

Грязноват... Возможно, в моей ситуации это уже пережитки прошлой жизни, но любой намек на близость с немытым дикарем пробуждал чувство брезгливости.

Но поскольку я только что обнаружила самый железобетонный шанс выжить, такие мелочи, как слой грязи на мужском теле, остановить меня уже не могли. Решительно метнувшись к кувшину с водой, отлила большую ее часть в тазик и, прихватив ткань и неровный брусок мыла, чинно прошагала назад.

Пленник не отводил от меня взгляда. Я бы охарактеризовала его как слегка нервный. Полностью игнорируя его точку зрения на происходящее — а я предлагала договориться миром! — принялась за дело. Стараясь не намочить повязку на животе, отмывала грудь и чресла мужчины от слоя запекшейся крови, смешавшейся с сальной грязью.

Кадык мужчины судорожно дергался, мышцы пресса сжимались под прикосновением моих рук, словно он силился вдохнуть и не мог. Если бы варвар мог, наверняка уже рычал бы на меня от непонимания. Таким способом его еще явно не пытали!

Сейчас я испытывала на прочность не его тело, а нервную систему. А это дело привычное. Не побоюсь этого заявления, в этом я профи — троих мужей пережила.

Покоряться обстоятельствам жизнь не приучила. Мысленно засучив рукава, я приступила к осуществлению плана спасения. Себя, разумеется.

— Красавчик! — удовлетворенная результатом своего труда, обзрела я уже частично чистого мужчину.

Серьезно, очень мужественный экземпляр, мысленно подмигнула я сама себе, вспоминая: когда *это* было в моей жизни в последний раз? Да еще с таким — ух! — партнером! Да никогда! Тряхну стариной!

Бросив взгляд на крошечную тьму за окном, решила, что времени на раскачку нет, и принялась ласково поглаживать грудь и плечи варвара. Оказывается, это неслыханное удовольствие — обнимать мощные до окаменелости и необъятные для моих рук плечи мужчины. В процессе так увлеклась, что и думать забыла о времени.

Изредка бросая затуманенные взгляды на лицо пленника, отмечала его закушенные губы и ошалелый взгляд. Не сдержав порыва, вслед за ладонями коснулась его тела губами. Поднявшись на табурет, поцеловала его шею, очертила языком мгновенно задержавшийся кадык, слегка прикусила кожу плеч и... потянулась ниже, опускаясь к мужским соскам.

Довольно жмурясь от удовольствия — как, оказывается, мне не хватало ощущения обнаженного мужского тела, — поиграла с ними, обводя языком каждую крошечную

вершинку. Затем втянула в рот, сжимая губами и увлажняя языком.

Сорвавшись, пленник издал долгий вздох... и забился в оковах! Вот уж кто сейчас жаждал побега.

— Тш-ш... — выдохнула я шепотом в его грудь. — Я не сделаю тебе больно!

Мужчина содрогнулся, заставив собственным прижатым к нему телом почувствовать его возбуждение. Руки мгновенно устремились ниже, с восторгом обхватывая тугую плоть, обегая подушечками пальцев напряженную вершину, осторожно скользя краем коготка по выпуклым венкам.

«Да он сокровище! — оценила я размерчик. — Такой экземпляр днем с огнем не найти!»

Отчаянно захотелось попробовать его, почувствовать не только руками, но и губами... Продолжая целовать мужскую грудь, я переместилась к торсу, смещаясь все ниже и оставляя на его сильном теле следы от страстных поцелуев. Дойдя до мужских бедер, я слегка застопорилась, вдруг осознав, что никак не смогу осуществить задумку: в меня это просто не влезет.

Но совершенно неуместное нетерпение, разыгравшееся жадное желание коснуться наконец его губами, подтолкнуло вперед. Я и думать забыла о невероятном выверте судьбы (или сознания). Коснувшись языком кожи, пробуя варвара на вкус, я слегка сососала ее и попыталась втянуть его плоть в рот. Бедра мужчины подались мне навстречу. Он захрипел. Громко, мучительно и как-то надрывно...

«Есть контакт!» — мелькнула в голове восторженная мысль.

Сама я уже толком не помнила, почему меня так вдохновили эти хрипы, но побуждающей мотивации мне они придали. Прикрыв глаза, полностью сосредоточившись на ощущении бархатистой поверхности твердой мужской плоти, я скользила по ней кончиком языка, стараясь не пропустить ни единой жилки. Обводила их языком, целовала губами. Мужские хрипы и стоны звучали так вдохновляюще...

Давненько я так не заводилась! Лет этак пятнадцать, сама от себя не ожидала — вот что значит молодое тело, новизна ощущений, горячая кровь. Реакция незнакомца вопреки всем обстоятельствам возбудила меня невероятно. Какие там грозящие казнь владычицы и вопящие маньяки и садисты под окном!

Гортанные хрипы варвара сильнее распалили мое желание, заставляя тело пылать жаром и страстью. А стоило мне начать двигаться быстрее, ритмично помогая себе руками, последовали и вскрики.

Я умопомрачительно сильно захотела большего! И гомон ликующих воплей из окна, сопровождавших каждый вскрик пленника, никак не способен был затмить в моем сознании жажду обладания этим бесподобным телом. Таким мужественным. Вопиющая мужественность варвара не вызывала у меня никаких сомнений.

Женское начало во мне яростно жаждало получить свою долю пирога. Почему он сейчас кричит, содрогаясь в конвульсиях разрядки, а я стою тут, пожирая его алчным взглядом, и дрожу от ощущения бешеной неудовлетворенности? Тело, это еще совершенно незнакомое мне тело, чувствовало боль — спазмы, сжимавшие мышцы моего лона, жаждавшего тоже почувствовать восторг удовольствия.

Подняв навстречу взгляду незнакомца лицо, я словно сквозь пелену тумана разглядела в его глазах немой вопрос. Вызов?

Как попавшая в луч света яркого прожектора бабочка, я застыла, затрепетав в

необъяснимом предчувствии. Предчувствии чего-то фантастического. Окружающая обстановка перестала быть реальной. Остались только двое во всем мире, связанные одним взглядом. Глаза варвара в отсвете огненных всполохов казались черными и бездонными. Они словно тянули меня за собой, погружая в пучину безвременья, не позволяя думать о чем-то еще.

Поэтому я и не подумала испугаться, когда сильная рука обхватила мой затылок, жестко сминая пальцами гигантский пучок волос. Все казалось таким правильным, закономерным, необходимым.

Пришла моя очередь наслаждаться.

Меня не напугала его способность сорвать оковы. Больше того, я и не вспомнила, что совсем недавно обе его руки были скованы металлическими браслетами.

Так и не разорвав контакта глаз, цепко державшего в плену, второй рукой пленник обхватил меня за плечи, сжимая, привлекая к себе. Секундное ощущение невесомости и жесткость пола под спиной.

А он — сверху. Склонившись вплотную, все так же буравя своим обволакивающим взглядом мое лицо, мужчина приблизился, отрезая мощным телом от всего мира.

И даже если бы все мышцы вырвались сейчас из своих клеток, а следом за ними и змеи, я бы вряд ли заметила это. Как не подумала и обеспокоиться вопросом: как освободился пленник?

— Тариль? Тариль?!

Испуганно очнувшись, я вдруг вспомнила, что и накануне проснулась от этого вопля.

Не приснилось...

Разочарование было сопоставимо разве что с моим испугом. Стоило с трудом распахнуть тяжелые со сна веки, как взгляд уперся в широкую, испещренную старыми шрамами и странными рисунками спину варвара.

И не только спину. Обнаженные бедра мужчины мгновенно отозвались в памяти целым фейерверком волнующих воспоминаний о прошедшей ночи.

Неудивительно, что я чувствую себя такой утомленной.

Прояснившийся взгляд встретился с устремленным над мужским плечом испуганным взором моей вчерашней собеседницы. Она, схваченная за горло варваром и притиснутая к стене, практически болталась в воздухе. И задыхалась. Именно в этом, как поняла я, отринув остатки сонливости, и была причина резко оборвавшихся воплей.

— Э-э-э... А что, собственно, тут происходит? — недоуменно произнесла я, принимая сидячее положение и пытаюсь приложить к себе вчерашнее одеяние так, чтобы максимально прикрыть собственное (уже в каком-то смысле) тело. Задача была не из простых — к такому солидному бюсту я не привыкла. Но эта суета с одеждой помогла преодолеть растерянность и смущение: что это вообще со мной вчера было? Как подросток с разгулявшимися гормонами, в самом деле.

Варвар оглянулся, реагируя на мой вопрос. Во взгляде белокожей женщины выразились сотни эмоций — она явно была готова дать мне образный и развернутый ответ, изобилующий угрозами и проклятиями в адрес пленившего ее мужчины, но... незадача! Ответить она не могла по понятным даже мне причинам.

Решила не мелочиться по поводу морали, думаю, в обществе таких извергов это не слишком актуальный вопрос, и по возможности быстрее натянула на себя платье. Пусть оно и облегало мою новую грудь заманчиво и влекуще, но с практической точки зрения оказалось неудобным — надевалось с трудом.

И только после этого обратила пристальный взгляд на варвара и его пленницу, придав лицу, как мне хотелось верить, выражение высокомерной надменности. Кто бы знал, чего мне это стоило!

Не знаю, что нашло на меня ночью, но это не повод отклоняться от выбранной стратегии. Надо придерживаться отведенной роли, разобраться в местных порядках и по возможности быстрее сбежать туда, где безопаснее. И необъяснимый порыв страсти, накрывший с головой, не заставит меня изменить этому плану.

Впрочем, с последним все было не так однозначно. Покосившись на дырки в стене, где еще вчера вечером находились крепежи оков варвара, в душе я основательно напряглась — он их все же вырвал.

— Отпусти ее, — спокойно, но неумолимо обратилась я к мужчине, не отводя твердого взгляда.

Он прищурился, но руку разжал. Моя злобная провожатая, судорожно глотая воздух и растирая горло, приласкала варвара многообещающим взглядом и... рухнула на колени.

— О моя тариль! — захрипела она. — Вы спасли нас, усладив слух владычицы и

жителей города криками муки и агонии пленника! Вас превозносят, а презренный род Двааль осмеян за неверие в ваши способности!

«Надеюсь, не покраснею, — в ужасе подумала я, старательно отводя глаза от варвара. — Даже думать не хочу о том, что решила эта садистка, обнаружив его на свободе, а меня раздетой».

Пленник спокойно стоял рядом, наблюдая за мной. Я чувствовала этот взгляд, но пока не набралась решимости ответить ему тем же. Вопрос прямой угрозы со стороны мужчины никуда не исчез. Это порядком нервировало, я и так плохо ориентировалась в окружающих реалиях, а как в них сможет вписаться оказавшийся на свободе варвар, и вовсе не представляла.

— О моя тариль, — уже более оживленно заголосила женщина, — могу ли я позвать охрану? Мерзкого колдуна пора выпроводить отсюда.

— Э-э-э... Да?

Кажется, незнакомка не считала проблемой его способность к сопротивлению.

— Да! Да! — сопроводив кивки новым злобным взглядом в направлении обсуждаемой персоны, с облегчением подтвердила женщина. — Ему уже пора.

Куда пора, я уточнять не стала, лишь осторожно кивнула головой, испытывая ощущение странной нерешительности. Присутствовало непонимание, стоит ли цепляться за поддержку варвара или надо поспешить и отречься от всякого намека на любую связь между нами.

Кто знает этих садистов, вдруг в их обществе такая связь считается слабостью! Попасть под раздачу и оказаться на месте пленника мне совсем не хотелось. А ему уже не привыкать терпеть издевательства.

Созвучно моим мыслям незнакомка заголосила, призывая охрану. Тут же в помещение ворвались пятеро вооруженных мечами женщин, которые окружили пленника.

— Руки вперед вытяни! — рявкнула одна и безжалостно плашмя ударила оружием по спине мужчину.

С трудом сдержавшись, чтобы не зажмуриться от ужаса, я невольно перевела взгляд на его лицо, стремясь понять реакцию. Как и накануне, он совершенно невозмутимо воспринял это наказание. Более того, не обращал внимания на вооруженный и настроенный более чем недружелюбно конвой. Варвар внимательно наблюдал за мной!

Повисла напряженная пауза. Вслед за ним и вооруженные женщины уставились на меня, заставив нервничать. Я должна что-то сделать? Или что-то сказать?

Но лихорадочный поиск новой идеи пробуксовывал, как себя стоит сейчас повести, я не знала. Оттого с высокомерным безмолвием наблюдала за происходящим, надеясь, что все разрешится как-то само собой.

К счастью, мужчина все же подчинился, медленно вытянув вперед руки. На них тут же защелкнули пудовые кандалы. Такие же, но разделенные короткой цепью, сковали его ноги.

— Пошел! — Новый рык охранницы, и варвара грубо толкнули в плечо, понукая покинуть помещение.

Но он не спешил подчиняться, продолжая буравить меня пронзительным взглядом. Словно ожидая чего-то... Но я понятия не имела, как вести себя в данных обстоятельствах, не знала, должна ли попытаться ему помочь. Поэтому в надменной позе все так же застыла на месте, изучая затейливое тату на плече мужчины и мечтая об одном: чтобы все свалили уже наконец и дали мне время подумать.

Чем дальше он не двигался, тем большее напряжение разливалось в воздухе. Моя

сопровождающая отступила в глубь помещения, женщины-воины подобрались, удобнее перехватив мечи. Я сама невольно затаила дыхание, боясь представить, что может случиться дальше.

Те оковы, которые крепили его к стене, казались более надежными, а он смог освободиться...

Внезапно пленник, кивнув своим мыслям, развернулся и покорно засеменил к дверному проему.

Уф... Я незаметно перевела дыхание — в этот раз обошлось. Больше всего я боялась, что злобные дамы догадаются: я вовсе не их тариль! И тогда их жестокая натура обернется против меня. В таком положении пытаться помочь еще и мужчине было невозможным.

Но пронесло. Варвар подчинился приказу, а за ним ушли и воительницы.

— О моя тариль! — вырвала меня из размышлений вчерашняя провожатая, суетливо наводя порядок в помещении. — Как хорошо, что вы все же смогли опоить мерзкого колдуна настоем из сока авеи. Верно вы рассудили: жажда заставила его выпить настойку. Но я уже начала терять надежду, он терпел жажду больше недели.

— Э-э-э... Сок авеи?

О чем она говорит?

— Да, да! Как же отрадно видеть варвара таким послушным! Страшно представить, как бы он повел себя, если бы вы не опоили его настойкой подчинения. Но я сразу сообразила, что ваш план сработал, едва увидела его без оков.

Судорожно сглотнув, я тяжело осела на стоявшую у стены скамейку.

Мамочки... Что теперь будет?

— Но маолх силен! Вы видели, он смог напасть на меня даже под действием зелья! Он сопротивляется его влиянию. Впрочем, сейчас об этом уже не стоит волноваться.

— Почему?

Не возбудят ли мои вопросы ее подозрений? Но другого источника информации у меня на данный момент не было.

— О моя тариль! — Белокожая снова бухнулась на колени. — Я же не сказала вам главного. Умоляю, не карайте меня! Владычица так довольна вашим успехом, что решила устроить праздник. Сегодня казнят всех пленников, захваченных в последнем сражении, подарив им спасение. И колдуна тоже!

Сердце сжалось — варвара было жалко. И дело даже не в сблизившей нас ночи (о событиях последней ее половины я почему-то помнила очень смутно, лишь отрывочные мимолетные образы удержались в памяти), а в сохраненной мне жизни.

Варвар мог убить меня сотни раз за эти часы. Но сохранил жизнь той, которая мучила его почти неделю!

Пусть я не понимала его мотивов, но чувство благодарности испытала сполна. И чувство жалости.

«У каждого своя судьба, — мысленно попыталась я успокоить себя. — И не мне вмешиваться в нее. Но хорошо, что я не увижу его смерти».

— Вам надо поспешить, времени на отдых очень мало, — не подозревая, что разрушила все мои надежды, заволновалась незнакомка. Спросить ее об имени я боялась, страшась выдать себя.

— Почему?

— Вас ожидают на празднике как почетную гостью. Владычица в знак поощрения

позволила именно вам убить трех сильнейших варваров. А вам надо еще искупаться, сменить одежды и поесть... Поспешим же, о моя тариль!

Желудок где-то в глубине непривычного еще тела судорожно сжался. Завтрак сейчас точно был последним, о чем я волновалась.

Убить?! В полнейшем ступоре я следовала за своей провожатой по темным лабиринтам башни. Мне убить? Трех сильнейших? Это гарантированно он! Ма-а-ма, роди меня обратно!

Это не попаданство, это *полное попаданство!*

Стоило моей провожатой выйти из комнаты, как я вцепилась в свои-чужие волосы и взвыла. В помещении имелась огромная деревянная бадья, наполненная горячей водой, стол, заставленный едой, широкая кровать, поверх которой было разложено какое-то одеяние, и три больших окна с распахнутыми деревянными ставнями.

Но все это совершенно не придавало оптимизма, взгляд первым делом уткнулся в стену, увешанную настоящим холодным оружием. Мечи, кинжалы, стилеты — это только то, о чем я могла догадаться.

Что делать? А-а-а! — металась я по комнате.

Судьба варвара меня уже не занимала, со своими бы передрыгами разобраться. Убить я, естественно, никого не смогу. А это грозит мне разоблачением, а дальше — перспективой оказаться на месте варвара и на собственной шкуре прочувствовать весь местный колорит.

«О моя тариль, праздник начнется после обеда». — Напутствие моей провожатой набатом звучало в ушах.

Надо было что-то делать, время-то идет. Я метнулась к купальне и умылась, пусть освежающая манипуляция прояснит мозги. Выпутавшись из узкой тряпки под названием «мое платье» и мысленно костеря непривычно большой и какой-то неудобный бюст, я разделась.

Приготовленная одежда, к счастью, оказалась разновидностью костюма. Имелись широкие брюки и довольно просторный камзол — там и грудь уместилась, и плечам не тесно было.

Зашнуровывая куртку, я на ходу запихнула в рот какой-то еды, запила большим глотком вина и рванула на себя дверь.

— Эй, есть кто живой? — рывкнула в темноту каменного коридора. Раз отсидеться в своей норе не получится...

Почти сразу же откуда-то из глубины донесся ответный крик. Узнав по голосу свою белокожую сопровождающую, я выжидательно прищурилась — пора уже увидеть этот мир.

— О моя тариль... — заголосила было белокожая, но я решительным взмахом руки оборвала вой.

— Хочу воздухом подышать! — максимально категорично заявила я. — Место празднества осмотреть.

И шагнула вперед, не позволив обратиться ко мне с вопросами или возражениями. Наверняка она уже заметила мое странное незнание всего местного.

Но белокожая и не думала мне перечить, лишь вскрикнула:

— А оружие? Какое возьмете с собой?

Это еще зачем? Я растерянно замялась.

— Люб... — начала было, но умолкла на полуслове, еще всучат какую-нибудь пудовую палицу, с этих извергов станется.

— Любимое? — по-своему истолковала эти звуки незнакомка и метнулась к стене с

оружием, на ходу разливаясь соловьем: — Конечно же ваши любимые клинки! И как я сама не догадалась. В такой-то момент! Тем более вы уже не единожды победили ими варвара!

Последняя фраза меня основательно напрягла. Вряд ли эта женщина имеет в виду наш ночной марафон.

— А что за момент? — прочистив горло, все же смогла я исторгнуть из себя вопрос, послушно приподнимая руки и позволяя нацепить на себя какую-то упряжь, к которой крепились клинки, скрещенные за моей спиной.

— Варвары обступили город, всей ордой в осаду нас взяли, — как-то поразительно безразлично отмахнулась белокожая. — На это и намекала.

— Возможно, до них дошла весть о... празднике?

Я пыталась осторожно навести ее на мысль, что нелепо заниматься празднествами с казнями пленников, когда самих могут вот-вот пленить и искрошить в капусту. Если все эти маолхи такие же мощные, как вчерашний варвар, я бы поставила на них.

— Естественно! Мы специально раз десять прокричали со всех башен наружной стены им об этом. Но они еще раньше явились, с неделю лагерем у подножия нашей твердыни стоят. Как вы предводителя их пленили, так они всей ордой и пошли. Одного дикари не понимают: разозлят владычицу, и она опять вам повелит устроить набег. Вот зададите им жару!

Я?! В горле встал ком, на лбу выступила испарина.

— Э-э-э... А что, угрозы для нас никакой?

Моя провожатая засмеялась, явно восприняв вопрос как шутку. Но мне было совсем не смешно. Пришлось рисковать разоблачением, выпрашивая подробности, но собственное положение нравилось все меньше и меньше. Вынырнув вслед за моей спутницей из дверного проема, завершавшего длинный коридор, оказалась на широкой стене башни. Один взгляд вниз, и сердце нервно дрогнуло — армия, окружавшая город-скалу, была огромной. Она простиралась до самого горизонта.

— Твердыня не может пасть! — Уверенность в голосе белокожей никак не убедила меня. — Забавно, они и не знают, что этого никогда не происходило. Богиня надежно охраняет нас, своих верных дочерей. И у нас есть вы — наша тариль, чтобы яростным вихрем накинуться на воинов орды, неся им повальную гибель и услаждая взоры Богини и владычицы тысячами разрубленных тел.

От фанатиков надо держаться подальше, — содрогнувшись, уверилась я в давнем убеждении. — Их разочарование неизбежно.

— А где стража?

В самом деле, неприятель повсюду, а сколько мы ни идем по городской стене, ни единого воина, пусть и женщины, не увидели.

— Так праздник же, — с удивлением оглянувшись на меня, как нечто элементарное, заявила белокожая, пожав плечами. — Все готовятся, принаряжаются, хотят сделать Богине приятное. А потом отправятся к амфитеатру.

— А орда? — Я нервно засмеялась.

Это уже за гранью возможного!

— Согласна с вами. Дикари! Никак не могут поверить, что твердыне ничто не угрожает, она не может пасть, — повторила свою мантру моя провожатая. — О моя тариль, а вы возьмете меня в свой следующий поход? Может быть, я могу остаться тут?

Если бы кто-то спросил мое мнение, я бы сама осталась.

— Э-э-э... а что вас удерживает? И разве поход ожидается так скоро?

— Да раба себе присмотрела, — слегка смутилась белокожая. — Думаю сделать третью попытку. А поход? Да хотелось бы! Развлечемся, варваров погоняем — Богиня кровушку любит. Поэтому владычица тянуть не станет, может быть, завтра и отправит вас.

— Третью попытку? — Когда все пугает, лучше спросить о непонятном. Что там убийство троих пленников на фоне вылазки к армии варваров!

— Да, — повернув на лестницу, которая вела вниз, в город, кивнула моя визави. — Я двоих уже родила.

— Детей? — совершенно запуталась я.

— Да.

— И где они? — Как-то чудовищные замашки местных дам не вязались в моей голове с материнством.

— Как и положено — бросила в реку.

— В реку?! — Я даже споткнулась. Кошмарный мир!

— Конечно! — Испуганная моей бурной реакцией, белокожая рухнула на колени. — Но я готова на третью попытку!

— Зачем?

— Не сомневайтесь во мне! Уверена, родится девочка!

— А до этого... — начала прозревать я.

— Да проклятые маолхи. Но я избавилась от них согласно воле Богини.

Маолхи? Мальчики, рожденные этими недоженщинами, и есть маолхи? Я медленно, но верно сходила с ума. Они все — один народ?

Дар речи на какое-то время меня покинул, вынудив шагать за моей провожатой молча.

Арена, где должно было происходить «празднество», впечатлила меня куда меньше воинства за стенами города и вопиющей беспечности его жителей. Обычный амфитеатр, где уже начинали собираться восторженные зрители. Причем именно восторженные.

В душе содрогнувшись от кровожадности местного населения, от всего сердца пожалела местных мужчин. Что бы ни было причиной такой гендерной разобщенности, сильному полу доставалось определенно больше.

— И какая, — я замялась, подбирая слова, — какая программа?

— О моя тариль, — с неизменным почтением ответила белокожая воительница, — времени подготовить масштабное торжество в честь ваших успехов не было. Поэтому, да не прогневайтесь вы на свой клан, боев ожидается немного.

«Лучше бы они к обороне готовились!» — проклиная дурацкие верования и фанатичные иллюзии, мысленно чихвостила я глупых товарок. Познакомившись с варваром, я не была уверена, что орду ему подобных сдержат какие-то стены.

— А поконкретнее?

Если все пленники друг друга перебьют, они облегчат мне тем самым участь невероятно — как быть с «поощрением» владычицы, я не представляла.

С них станется, прояви я слабость или неуместную заминку, скинуть меня на арену сражений прямо сегодня.

— Сначала, как всегда, пленникам предложат добровольную милость — возможность стать рабами. Но мерзкие маолхи слишком глупы, чтобы оценить эту честь, и, как всегда, откажутся, — затараторила моя спутница, застыв возле широких перил, ограждавших арену. — Затем против них выпустят стаю голодных клыкастых огров, выжившие сразятся с

огненными старами. А по тем, кто выдержит и это сражение, во славу Богини пройдутся меткими стрелами наши арбалетчицы. В предсказании значилось: выживут трое. Их участь и предстоит вершить вам, моя тариль. Вы сможете заполучить еще трепещущие сердца самых сильных воинов и съесть их на глазах всех горожан. Это ли не подлинное признание?

— Угум... — отчаянно борясь с приступами рвоты, пробормотала я. — А предсказание, оно точное?

Не знаю, кто предсказывает им эти ужасы, но я бы предпочла обойтись без последней части «торжества».

— Сама Богиня дала знак, она сбережет до поры до времени их жалкие жизни. Вы удостоились ее милости, заставив страдать варвара!

Да уж, странная Богиня, однако.

Но что делать?

— А если маолхи отказываются от милости, откуда у вас возьмется раб для третьей попытки?

И возможности размножаться?

Будь я на месте Богини, лишила бы их этой возможности.

— Тариль, вы почти все время проводите в военных походах. Может быть, поэтому и не знаете. Их никто не спрашивает. Это тех, что на арене, спросят, продемонстрировав Богине наше благородство, даже в намеке на которое отказано этим дикарям. А многих — вот как я своего — уже растащили по своим жилищам нуждающиеся. Хвала вам, моя тариль, ваши вылазки регулярно приносят нам много рабов!

Интересно, в своих жилищах эти гарпии творят с несчастными мужчинами то же, что делала моя предшественница с варваром? Я бы себя уже возненавидела на месте маолхов!

— И много ли презренных маолхов рождается после моих... вылазок? — старательно демонстрируя безразличие, лениво протянула я. Учитывая численность вражеского воинства, жительницы этой твердыни должны грузовиками скидывать младенцев мужского пола в эту реку. Интересно, варвары отлавливают их ниже по течению? Живодерский мир, одно слово.

Как появляются новые белокожие воительницы, я уже поняла, но факт размножения маолхов так и остался для меня тайной. По идее, у них должны быть свои женщины. Зачем эти недоженщины совершают набеги, я могу понять, но зачем это надо орде? У них с численностью и так все в полном порядке.

— К несчастью, Богиня не всегда добра к своим дочерям, карая за проступки. И примерно половина рожденных детей оказывается ими, — явно вспомнив о собственных провинностях, со вздохом отозвалась белокожая. — Вот я, к примеру, уже дважды была лишена ее милости. Видимо, недостаточно мучила своих рабов и не заслужила ее одобрения. Но в этот раз я уж постараюсь, следуя вашему примеру! В глубине души уже никто не верил, что вы добьетесь от варвара реакции. Но вы, моя тариль, посрамили всех врагов. Как же он кричал! Половина жительниц города предлагает мне самые желанные дары, умоляя раскрыть ваш секрет — способ исторгнуть из глотки мужчины такие стоны!

Мучаясь стыдом и одновременно невыразимым сочувствием к нынешнему рабу моей провожатой, я вздохнула, — мои личные сложности все это нисколько не умаляет. С клинками я понятия не имею, что делать, и как публично совершу казнь, не представляю.

О чем я? Даже будь я виртуозом во владении этим оружием, убить я не способна. Эх, разоблачение уже неизбежно!

— Пожалуй, я прогуляюсь, — протянула я, размышляя о побеге.

Выбраться бы из города, а там... А там эти варвары! Причем гарантированно «любящие» меня всем сердцем. Сменю шило на мыло.

— О моя тариль, я сейчас же призову ваш эскорт, — заволновалась белокожая, судорожно поглаживая какой-то медальон.

И спустя короткое время вокруг меня толпилось порядка пятнадцати мечниц.

«Стерегут...» — расстроено подумала я, отринув мысли о немедленной попытке побега.

— Пожалуй, нет, — с утомленным зевком поменяла я планы. — Лучше отдохну перед началом.

Проводив меня до входа в подземную часть (а город-башня был вырублен в скале), мечницы удалились. Я же в сопровождении стражницы вернулась в уже знакомую спальню.

— Настойки подчинения мне! — в сердцах рявкнула на вмиг задрожавшую женщину, решив ухватиться хотя бы за этот мизерный шанс. Вдруг получится плеснуть им в лицо, если влить в глотку не удастся.

Захлопнув дверь, рухнула на мягкую перину кровати и глухо застонала. Вот почему у меня всю жизнь все не как у людей? Через одно место...

На торжество шла с ощущением предчувствия конца. И полностью заполненные трибуны, шум которых гарантированно слышали и маолхи, не вдохновляли.

На месте врагов я бы напала, когда все ослеплены эйфорией.

— А маолхи? — не сдержавшись, задала я вопрос. — Нападут ли они сейчас?

— Несомненно! — закивала моя спутница, не сомневаясь, что я тоже жажду этой атаки. — Гонимые желанием отбить своего предводителя — а сейчас последний шанс, — они предпримут попытку штурма. Тем сильнее они ослабеют и станут для вас завтра легкой добычей!

Поперхнувшись воздухом, закашлялась. Легче добычи, чем даже полудохлые варвары, и не придумать!

Но почему они так уверены в собственной неприступности?

Мое появление ознаменовалось ликующими воплями, которые сотрясли трибуны. Сидевшая на возвышении в окружении вооруженных воительниц белокожая, не первой свежести дама с неудовольствием прищурилась. Возможно, меня приветствовали более воодушевленно, чем ее?

Несомненно, владычица.

Тридцать лет отрубив в женском коллективе, я не сомневалась, что, случись мне чудом пережить сегодняшний день, в военный поход против орды меня завтра отправят обязательно. И даже постараются не допустить моего возвращения назад. Нет незаменимых.

Устроившись в кресле в свите владычицы, перевела взгляд на пыльную арену, что служила центром города-цитадели. С пронзительным лязгом двери, прорубленные в скале, открылись, позволив томившимся за ней пленникам выйти. Мой варвар шагнул первым.

Троица жавшихся друг к другу мужчин, шествующая впереди толпы, сразу бросалась в глаза. Это, несомненно, были воины! Я бы усомнилась, что в свете обычаев местных женщин этот термин применим к варварам, но спорить с местными порядками мне недосуг.

В них не чувствовался страх, как в других мужчинах. Даже неизбежность смерти воспринималась ими как нечто естественное и недостойное эмоций. Мой варвар и его собратья двигались, шагая к центру арены, уверенно и деловито. Невольно вызывая сомнения в своей обреченности.

«Их даже не вооружили!» — мысленно возмутилась я явной несправедливости, с ужасом ожидая момента, когда на арену выпустят местных голодных хищников. Но прежде, чем это случилось...

— Презренные отродья, ради нашей благословенной Богини, во славу ее великодушия и благородства, мы готовы даровать вам, пленные маолхи, величайшую милость — возможность послужить на благо ее дочерей, став их рабами, — разнесся над ареной громкий женский голос глашатая.

Примечательно, что «чести» удостоили только воинов.

Кем являлись другие мужчины, куда более жалкого вида и телосложения, я не знала.

Над амфитеатром на секунду повисла напряженная тишина. Скосив глаза, я заметила, что бо́льшая часть местных воительниц, облачившихся в яркие наряды по случаю торжества, подалась вперед, жадно пожирая глазами мощную фигуру моего пленника. Он определенно вызывал интерес у местного населения.

— Подарит прекрасных дочерей! Сама владычица не отказалась бы от таких наследниц! — долетел до меня чей-то отдаленный шепот.

Я же думала о размножении в последнюю очередь. Рассматривая гигантскую фигуру пленника, лишённого оружия, понимала — осилить его не смогу даже чудом.

Отведенное для ответа время истекало, когда варвар вдруг сделал несколько быстрых шагов вперед к нависающей над ареной площадке, где восседала владычица и сопровождающие воительницы, в том числе и я.

— Я признаю себя рабом вашей тариль!

И он пал на колени.

К моему вящему ужасу, он брякнул это очень громко, все вокруг расслышали его слова. И едва прошла первая оторопь (можно подумать, впервые кто-то из маолхов согласился), все окружающие уставились на меня. Даже владычица обернулась, холодно прищурившись.

Ну что за невыносимый тип! Всего-то и требовалось тихо-мирно сгнуться в пасти какой-нибудь адской зверюги, не доводя дело до крайности, до моего участия в экзекуции. Но он, видимо, природой создан с единственной целью — максимально осложнить мое существование в этой жизни! — внутренне дрожа от негодования, размышляла я, вынужденно отвечая холодными взглядами всем завистницам.

И так проблемы на каждом шагу, так еще этот варвар! Вспыхнувшей симпатии и жалости как не бывало. Что мне теперь делать? Как выкрутиться?

Ничего умнее не придумав, под десятками испепеляющих взоров я легкомысленным жестом махнула рукой: мол, пусть будет! Но аттракцион невиданного согласия маолхов на этом не закончился! Стоило варвару с почтительным поклоном в моем направлении

подняться с колен, как его примеру последовали оба его соплеменника.

Дружно подавшись вперед, оба рухнули на колени и зычно прокричали:

— Мы признаем себя вашими рабами, тариль жестокосердных!

Кретины! Я содрогнулась в ужасе, заметив, как округлились глаза у всех женщин в этом проклятом амфитеатре. Смотрели они на меня с непередаваемыми чувствами во взглядах.

Сожрут! С потрохами!

Взгляд судорожно заметался вокруг в поисках выхода. Но никаких вариантов изменить фокус всеобщего внимания не наблюдалось. Меня окружало только едва сдерживаемое бешенство аудитории, включая и их главную злыдню.

Все! Эти варвары меня достали! Мечтая скинуть их всех со стены этого треклятого города, я наполнялась злостью.

В этом террариуме мне после сегодняшнего не выжить! Чувство гнева, который был направлен сейчас на первопричину моего неизбежного падения, неожиданно придало уверенности в себе.

С саркастической, как мне казалось, улыбкой смогла холодно кивнуть, сопроводив это движение сухим ответом:

— Прекрасно! Мне будет на ком оттачивать свое мастерство!

И видимо, это сошло за согласие, поскольку трибуны одобрительно загудели.

Бедные мужики у этих «паучих»! Ну, натуральные паучихи, готовые сожрать своего самца после спаривания!

Словно желая поскорее задвинуть меня на задний план после внезапного возвышения, владычица тут же взмахнула рукой, подавая сигнал к началу действия. И как мне ни жаль было несчастных пленников на арене, стоило всем отвести взгляды, я облегченно вздохнула. Однако вредный инстинкт самосохранения тут же напомнил о грядущем «благоволении» — мне же еще предстоит участвовать в финале этого побоища.

«А вдруг мне повезет, и никто не выживет?» — подал робкий голос оптимизм. Я все еще, вопреки явному безумию окружающего мира, пыталась цепляться за здравый смысл.

Что творилось дальше, не передать словами. Пользуясь всеобщей сосредоточенностью на трагическом, на мой взгляд, действе, я большую часть происходящего пропустила, невольно зажмуриваясь или отводя глаза. Происходящее побоище заставляло дышать через раз. А от рвоты меня избавило только пустое содержимое желудка.

Какие там бои! Это настоящая кормежка диких зверей! — непроизвольно теребя в руках флакончик с настойкой подчинения, в мыслях содрогалась я. Впрочем, редкие взгляды, которые я отваживалась бросать на арену, оставили у меня сильное впечатление от маолхов. Буквально голыми руками рвать на части диких хищников, это дорогого стоит.

Ничто не вечно, подошло к концу и местное празднество. Как и было предсказано, выжили трое. Мои рабы. И вот тут до меня дошло: а все ли еще в силе мое обязательство?

Я едва перевела озадаченный взгляд на свою белокожую прислужницу, как владычица громко обратилась к своим подданным и заодно к троице варварам, тяжело осевшим среди множества изуродованных человеческих и звериных тел на пыльную поверхность арены.

— Дочери Богини! — не без пафоса возвестила она. — Сегодня мы достойно выразили свое уважение и любовь к нашей доброй Матери! Она насытилась изобилием страданий и крови. Но выжили трое...

Я напряглась. Владычица выдержала паузу, позволяя всем присутствующим, возбужденным кровавым зрелищем, осознать двойственность ситуации: я должна казнить

этих мужчин, но немногим ранее я признала их своими рабами.

— И мы оставим решение на усмотрение нашей тариль! — с самым благостным видом возвестила владычица, расставив мне ловушку. Теперь выбери я казнь во славу их кровожадной Богини — лишусь таких лакомых рабов. Пощади я их — проявлю себя мягкотелой и жалостливой, в должной мере не уважающей Богиню, и это впоследствии наверняка обернут против меня.

Конечно, мне полагалось выбрать казнь, фактически мне не оставили выбора. И их истинная тариль так бы и поступила. Но я не могла.

— Я поступлю как должно, — привстав, по примеру других, и поклонившись владычице, громко отозвалась я. — Варвары должны погибнуть во имя Богини!

У меня возник план. Утопическая идея. Неосуществимый проект.

Если только они мне подчинятся...

А трибуны между тем ликующе вопили. И еще вопрос, чему они больше радовались, продолжению убийств или тому, что их соплеменнице не достанется такой мужчина.

Мысленно кряхтя, я чинно поднялась с места и, сопровождаемая моей провожатой, направилась к столу с кувшинами, наполненными вином. Почему-то казалось, вино лучше скроет любой посторонний привкус, нежели вода.

Заслонив собственным телом от всех на миг один из кувшинов, выплеснула в него содержимое настойки. Прихватив кувшин, развернулась к арене. Тишина стояла абсолютная, все пристально следили взглядами за мной, спускающейся на арену по лестнице, проход к которой открыли специально для меня.

Я, чувствуя себя клинически глупой, в гордом одиночестве шагала к троице варваров. Последние, едва створки одной из стен преобразовались в лестницу, вскочили на ноги, готовые к новой угрозе. И тут появилась я с кувшином. Даже на расстоянии я видела прищуренный взгляд моего пленника и пылающие ненавистью взоры его соплеменников.

«Порвут, как тузик грелку», — печально попрощалась я с жизнью.

Но делать нечего, — с другой стороны меня подстерегало целое полчище жаждущих крови и зрелищ одиноких женщин, которые буквально подались вперед, жадно следя за мной. Я чувствовала их прожигающие взгляды. На этом фоне трое варваров кажутся меньшим злом.

«Мучить хотя бы не будут, — рассуждала я. — Боль не люблю с детства, поэтому маниакальные садистские наклонности местного населения разделить никогда не смогу».

Шаг, еще и еще... Расстояние между мной и мужчинами все меньше, их фигуры все крупнее, атмосфера все более зловещая...

— Это вам утолить жажду, — остановившись в паре шагов от своего варвара, уставилась я прямо ему в глаза. На его спутников внимания не обращала, подспудно ощущая, главная задача — убедить его. — Достойный противник заслуживает уважения. Прежде чем вы погибнете, я, во славу Богини, проявлю благородство и позволю вам утолить последнюю жажду.

Варвар прищурился. Переведя взор на его спутников, отметила злые и недоверчивые взгляды, они явно не желали верить в любую милость «дочери Богини». И протягивать руки за кувшином никто не спешил, несмотря на палящее солнце. А огласивший округу после моих слов рев ликования постепенно стих.

— Пейте! — начиная заводиться от очевидной обреченности моего плана, бросила я. — Накажу, мало не покажется! — в сердцах, от чувства собственного бессилия зашипела, как

бывало на сына.

Неужели все эти дамы на самом деле ожидают, что я выхвачу клинки и, как супервумен, сразу этих трех закаленных жизнью воинов? Страшно представить, какой была истинная владелица этого тела!

На слове «накажу» варвар моргнул и, словно в трансе, медленно протянул вперед руку. Я, не веря собственному счастью, быстро сунула в нее кувшин. И, нервничая, инстинктивно облизнула губы. От учатившегося дыхания затрепетала грудь, волнуя ткань легкой туники.

Кадык мужчины дрогнул, и он с какой-то одержимой жадностью сделал глоток — большой и жадный, не отрывая взгляда от моих губ. Несколько капель вина скатились с его подбородка и упали на грудь, устремившись вниз, к замусоленной набедренной повязке.

Такие повязки были на всех пленниках. Я, наблюдая за дорожками влаги, отчего-то тоже сглотнула, выпав на миг из реальности. Жара, ревушая толпа на трибунах и перспектива самоубийства исчезли, остались только я и этот мужчина. И чувство странной жажды, заставляющей облизывать губы и сглатывать вязкую слюну...

Уловив мои движения, варвар протянул кувшин назад, а я, не задумываясь, отхлебнула из него, чтобы тут же закашлять, поперхнувшись крепким вином. Кувшин из моих рук немедленно вырвали — это двое других маолхов, уверившись в безопасности напитка, выхватили остатки, желая утолить жажду.

Растерянно замершая после моего поступка толпа вновь взвыла, требуя большего.

Моей эпохальной кончины, не иначе.

Переведя дух и пытаясь осознать, что первая часть моей задумки осуществилась (о том, какое влияние окажет злосчастный глоток на меня, и думать боялась), я очертя голову решила действовать и дальше.

Едва опустевший кувшин раскололся на два черепка, брошенный на землю одним маолхом, как я выхватила клинки. Честно старалась не пораниться и сделать это максимально эффектно, как в кино. Как получилось, судить не мне, но злобные дамы отреагировали дружным воплем радости.

Двое незнакомых пленников стремительно подались назад, подхватывая с земли крупные и острые осколки глиняной посуды. Почему-то я не сомневалась, что в их руках черепки представляют собой более грозное оружие, нежели клинки — в моих.

А вот мой пленник порыву не поддался, явно контролируя себя лучше соплеменников. Так и остался стоять в паре шагов от меня, сверля пристальным взглядом. Только жилы на шее и руках напряглись — вероятно, он мог бы разоружить меня голыми руками.

И кому пришло в голову, что их может одолеть одна женщина? Пусть и воительница. Уж не от этой ли заманчивой перспективы сбежала предыдущая душа из этого тела?

Но мне было не до рассуждений — выкрутиться бы! Тем более зрители, разочарованные промедлением, отчаянно выли, понукая меня к активным маневрам.

— Идите туда, презренные маолхи! — копируя местную манеру изъясняться, взмахнула я клинком в направлении границы арены, примыкавшей к стене цитадели. Во время недавней прогулки по ней я подметила эту особенность.

Наступил решающий момент. Или пленники мне сейчас подчинятся под действием этой непонятной настойки, а на мне она, по ощущениям, пока никак не сказалась, но и отпила я совсем мало в сравнении с мужчинами. Или...

Или мне конец.

Секунды потекли, отсчитывая время. Над ареной повисла тишина. Зрители догадались

— у меня имеется своя задумка. И застыли в недоумении, не понимая, к лучшему ли это.

Варвар прищурился, вопросительно приподняв одну бровь. Я же с угрожающе зажатými в руках клинками хлопала ресницами, силясь удержать слезы, и мысленно возносила молитвы всем существующим богам — подчинитесь же!

— Идите... — произнесла надрывным шепотом.

Он неуловимо кивнул, отрывисто рыкнул, обращаясь к своим соратникам на непонятном языке. Слегка опешив, оба маолха, что в угрожающей позиции расположились чуть позади варвара, тут же шагнули в нужном мне направлении. Следом за ними двинулся и сам предводитель «колдунов», предварительно бросив на меня пытливый взгляд.

Ура! Действует! Я испытала колоссальное облегчение и почувствовала неизъяснимую благодарность к изготовителю зелья. И едва ли не вприпрыжку рванула за ними, осторожно размахивая острейшими ножами, словно и в самом деле могла представлять для мужчин какую-то угрозу.

Над городом стояла абсолютная тишина, его жители столпились сейчас на арене, вскочив с мест. Все, затаив дыхание и разрываясь от любопытства, сверлили наши спины взглядами. Так, сопровождаемый всеобщим вниманием, наш квартет цепочкой прогарцевал к узкой лестнице, что вела на городскую стену.

При нашем приближении ограждение около нее приподнялось — всем было интересно, чем закончится этот маневр. Но боковым зрением я отметила ряды стремительно и бесшумно выстроившихся неподалеку лучниц. Владычица была начеку!

Пара пролетов, решительный шаг вперед — и мы стоим на городской стене, видимые всему вражескому воинству. Бросив взгляд вниз, с изумлением понимаю, что варвары пытаются приступом взять город.

Безуспешно!

Все стрелы и гигантские камни, выпущенные из огромных катапульт, словно заговоренные отлетают от стены, на которой мы стоим. Лестницы, достигшие границы города, вспыхивают ярким огнем, буквально на глазах превращаясь в кучку пепла.

Цитадель стоит неприступным монолитом, а варварам действительно не помогают все новые и новые волны атаки, — они захлебываются, отраженные какой-то защитной магией этого оплота жестокосердных.

Громкий клич, мгновенно разнесшийся над рядами врага, заставляет замереть и орду. Взгляды воинов устремлены на нас, их предводитель явно опознан. Как и я, четко видимая на фоне безоблачного неба, с клинками в руках. Тишина становится пронизывающей и давящей на нервы.

— Дочери Богини! — прокашлявшись, во всю глотку ору я, стремясь быть услышанной абсолютным большинством обеих сторон. — Я посвящаю эти смерти нашей Богине! Пусть варвары погибнут на глазах своих соплеменников, напитав ее душу муками бессильной злобы и отчаяния! Пусть это ослепит их яростью, вынудив поддаться слабости и пойти на гибель. Богиня получит много крови, боли и страдания презренных!

Пленники вздрагивают, пораженные моим коварством. Но ничего противопоставить не могут — их сдерживает действие зелья. А еще варвар продолжает угрожающе рычать им что-то...

Мир вокруг взрывается сотнями тысяч воплей. Женский визг позади выражает восторг и ликование от мысли о моей невероятной жестокости — нанести такой удар по нервной системе врага! Маолхи по другую сторону стены, рыча от бешенства, не веря своим ушам,

кричат в отчаянии.

— Правее, идиоты, правее, — едва слышно шепчу я, нетерпеливо покалывая пленников острием клинка в бок, стремясь сдвинуть их в нужное мне место. — Двигайтесь!

Высота до земли — этажа два-три. Плюс где-то тут я заметила стог сена, вероятно заготовленный для того, чтобы поджечь стену. Или задымить...

Для таких закаленных воинов это реальный шанс выжить. Если только шею не сломают. Но для меня это все же лучше, чем самой совершить убийство.

— Прыгайте! — сквозь зубы, так, чтобы слышали только маолхи, рычу я, взмахивая клинками, словно пронзаю тела пленников разящими ударами (надеюсь, со стороны арены это смотрится именно так). — Сейчас же!

Двое, напоследок одарив меня потрясенными взглядами и осознав свой шанс, без раздумий срываются вниз, словно подкошенные моей рукой.

А вот варвар... Странно дрогнув и пошатнувшись, он отзывается призывом:

— Ты — со мной!

И так безапелляционно это звучит!

Я, насмерть перепугавшись, вдруг его не сдержит и зелье, сломав мне все планы, шепчу в ответ:

— Хорошо...

И подаюсь вперед, к нему, чтобы вероломно толкнуть в спину.

— Уходите отсюда! Немедленно! — успеваю я крикнуть вниз, надеясь, что орда, заполучив своего предводителя (или его тело), уберется восвояси, избавив меня от необходимости завтрашней вылазки.

Последнее, что я замечаю, победно взмахнув клинками, на которых видна кровь от укулов в мускулистые мужские тела, это толпу воинов, хлынувшую на место, куда приземлились пленники.

И все это происходит под аккомпанемент бушующей восторгом арены. Я определенно подарила им ощущение новизны и достойное их сердец зрелище: варвар уничтожен, враг деморализован. А уж пылающие бешенством взгляды владычицы я могу разглядеть даже отсюда — сегодня мне обеспечен триумф и всеобщее преклонение.

Надо делать ноги, пока случайно не прикопали под ближайшим валуном, делаю я логический вывод, преисполненная веры в себя, опьяненная чувством облегчения. Ведь я справилась! Тот редкий случай, когда ненадолго уверенность в себе затмевает всякие сомнения.

Сердце все еще стучит, словно сумасшедшее. Как приземлились варвары, стараюсь не думать; надеюсь, я им все же помогла, а не угробила. Ничего хорошего их в плену у этих жестокосердных в любом случае не ожидало.

Возбужденные праздничным зрелищем горожанки, стоило мне вновь подняться на трибуну, окружили плотным кольцом, выкрикивая восторженные пожелания.

Чувство клаустрофобии мгновенно зародилось и разрослось в моей душе до кошмарных масштабов. К счастью, явилась моя извечная провожатая.

Растолкав толпу почитательниц, потянула за собой, бормоча на ходу:

— Тариль, необходимо восполнить силы и переодеться перед пиршеством!

Это еще не конец? Я расстроилась. Вероятно, там мне и огласят приговор на завтра.

Владычица определенно впала в бешенство оттого, что эпицентром всеобщего внимания стала я. Здоровую конкуренцию тут не признают. Но перспектива удалиться из этого места

вдохновляла, и я энергично принялась проталкиваться к одному из темных входов во внутреннюю часть цитадели.

Белокожая по пути бросала на меня восторженные благоговейные взгляды, но хотя бы держала свои мысли при себе. И, подведя к дверям моих покоев, с низким поклоном удалилась.

«Ожидала ли она моего возвращения сюда?» — размышляла я с подозрением, распахивая дверь и делая первый шаг в комнату. Но стоило бросить туда взгляд, как все мысли выветрились из головы, а воздух со свистом вылетел из легких.

На широкой кровати, расположившись с удобством на подушках, сидела... милейшая старушка с высокой укладкой окрашенных в лиловый цвет седых волос.

Закинув ногу на ногу, облаченная в такие родные джинсы, с ноутбуком на коленях, она сосредоточенно хмурилась, вглядываясь в экран, и периодически подносила к губам дымящуюся сигарету.

Дурдом!

Испытав приступ неземного счастья, я рванулась к неожиданной гостье.

— Секундочку! — Притормозив меня на подходе взмахом руки и быстрым взглядом, старушка вновь уткнулась в экран. — Дай досмотреть серию. Вышла новая в сериале «Доктор Хаус». Обожаю его, всегда, знаешь ли, мечтала о встрече с таким стервозным всемогущим сухарем. Но что-то не те попадают... Божки всякие! Устаю от них после пары-тройки сотен лет.

Опешив от неожиданного заявления, уже более спокойно присела в уголке кровати, не сводя взгляда с женщины. Боялась, вдруг исчезнет, оказавшись фантазией моего не выдержавшего происходящего сознания.

И без возражений приготовилась ждать сколько угодно, перед носом замаячила перспектива разобраться в происходящем. Я нутром чувствовала — неспроста тут эта дама!

— Вы же сможете объяснить мне, что происходит? — стоило женщине (выглядела она по возрасту, как я в прошлой жизни) захлопнуть ноут, выпалила я.

— Ты сама уже обо всем догадалась. — Старушка вальяжно махнула в ответ рукой, все еще довольно жмурясь после приятного времяпрепровождения.

— А вы... Вы вроде демиурга этого мира?

— Что ты! — вскинулась старушка. — Какой демиург! У нас тут целый пантеон богов, все поклоняются разным. А я — так, у всех на побегушках.

— Это перемещение ваших рук дело?

— Признаться, да. — Женщина усиленно пыталась изобразить смущение, но искры смеха в ее глазах портили все впечатление. — Но мне просто повезло, удачно сложились обстоятельства.

— Зачем? Только не говорите мне, что надо спасать мир! Я точно не гожусь для этого дела. В моем-то возрасте! И вообще, у меня семья, дети, внуки...

— Нет, нет! Насчет мира не переживай! Никаких непосильных задач я перед тобой не ставлю. Просто пока ты тут, кое-кто... не тут.

Ну, это я вполне понимала. Больше того, и вопросов не возникло почему. Эта их тариль меня даже заочно впечатлила.

— Но я домой хочу! Надеюсь, это ненадолго?

— Увы, — вздохнула старушка, — дома тебя уже не ждут. Решили, что утонула. Придется обживаться в этом мире.

Воздух в груди резко потяжелел, обжигая болью. Как несправедливо! Я ведь не просила об этом. Мне это не нужно!

— Не спеши возмущаться, — словно прочтя мои мысли, подалась вперед женщина. — Рано или поздно это расставание с семьей все равно бы случилось. Будь практична, подумай, многим ли доступен второй шанс, возможность прожить жизнь? Другую жизнь. Разве тебе не интересно?

— Нет, — ответила я, стиснув кулаки. — Мне страшно. Жизнь жизни — рознь. Эту я бы не выбрала для себя. Неужели возможности вернуться домой нет совсем?

Незнакомка задумчиво рассматривала меня несколько секунд.

— Хорошо, я могу исполнить это твое пожелание. Но ты должна кое-что сделать. Собственно, сегодня ты упустила шанс вернуться.

— Что?

Неужели все же спасти мир?

— Варвар. Предводитель маолхов. Цена твоего возвращения — его жизнь.

И тут меня осенило.

— Вы... вы и есть эта Богиня? Местная, которой приносят все эти чудовищные жертвы?

— Что ты! — Лилововолосая так замахала руками, что ноутбук скатился с ее колен и тут же странным образом растворился в воздухе. — Не надо сравнивать меня с Талл! Эта ее извечная жажда крови... Признаться, она так однообразна и утомительна. Она никак не насытится. Это должно было когда-то случиться.

— Что случиться?

— Талл настроила против себя почти весь пантеон.

— Э-э-э... так ее свергнут?

Пусть я и не рядовой местный житель, но горячо ратую за данное решение.

— Это не так-то просто сделать, — тряхнув лиловыми прядями, энергично замотала головой женщина. — Последовательницы Богини сполна питают ее, Талл сильна. Но вот сейчас случай подвернулся! Мало ей оказалось кровавых даров, ее потянуло самой приносить жертвы. Богиня заняла тело смертной — палача жестокосердных. Тут мы ее и поймали в ловушку!

— Поэтому меня и выдернуло в этот мир?

— Да, случайный выбор.

— Но где сущность тариль, в смысле Богини?

Вдруг подумалось: а не в мой ли мир обратной заслали этого кровожадного монстра?

— Нет, нет, — догадавшись о подозрениях, разуверила меня собеседница. — Ее мы смогли заточить в особенном месте, это пространство между мирами. Но...

— Что?

Вот и подошли мы к сути вопроса.

— Но Талл мы сможем удержать там, лишь пока ее физическое воплощение занято другой душой. А заменить душу уже невозможно — Талл больше не проявит беспечности и использует этот момент, чтобы вырваться из плена.

— Тогда надо уничтожить это ее физическое воплощение! Тариль! Меня...

— Еще хуже, — категорически отказалась старушка. — Едва это случится, Талл мгновенно вознесется в пантеон, вернув себе в полной мере силы Богини. Сейчас они в какой-то степени ограничены возможностями смертной, к телу которой привязана ее сущность. Слишком уверилась она в своем всемогуществе, раз решилась на эту прогулку, это ее и подвело.

Да, сглупила эта Талл...

— Но почему тогда варвар? Я совершенно не понимаю, как его гибель может повлиять на Богиню?

В полнейшей растерянности от услышанного я сжала виски руками, пытаюсь собраться и мыслить в привычном русле, деловито и спокойно.

— Дох не обычный варвар! Ты полагаешь, Богиня так просто охотилась на него и пыталась? Считаешь, обычный смертный смог бы так долго противостоять Талл, пусть и в теле смертной?

А я почувствовала, что краснею. Только сейчас представила, насколько неожиданными стали мои действия для пленника. Да еще какие действия!

— Кто же он?

— Колдун. Сильнейший из них, из смертных. И именно поэтому его гибель высвободит всплеск силы необходимой мощи, чтобы справиться с Талл. Окончательно.

— Глупости! — не поверила я. — Если вы боги и вас много, что может быть проще, чем уничтожить какого-то мужчину, пусть и колдуна.

— Увы! Мы можем мериться силами, уничтожая или возвеличивая друг друга. Но вмешиваться в судьбы жителей мира... Нет! Это необратимо изменит баланс сил. Его должен убить смертный. Но никто из этого мира не осмелится противостоять Доху. Ты же...

— А что я? — в негодовании вскочила на ноги. — Я — обычная женщина. Не маг и не воительница! Да я вообще против убийств в любом их проявлении! Я даже мяса не ем.

Не ко времени мне вспомнился миг, когда я в этой самой спальне как-то бездумно проглотила кусок мяса. Надо привыкнуть воспринимать себя иначе.

— Но ты должна! Подумай о новых и новых жертвах, которые будут приносить Богине, питая ее силы. И рано или поздно наступит миг, когда она порвет наши узы. Представь, что станет с этим миром? Она направит в мир своих приспешниц, прикрывая их своим покровительством. Его затопят реки крови.

— Но тариль смертная! Она в любом случае умрет, и, возможно, скоро.

Старушка ответила печальным взглядом.

— Талл не так проста, как ты думаешь, она выберет себе замену или не позволит исчезнуть своей физической оболочке. И твоя душа...

— О нет! — ужаснулась я, сообразив раньше, чем услышала ответ.

— Твоя душа переместится в новое тело. И так до бесконечности. У тебя нет выбора: или вечный марафон кровавых жизней тариль, или всего одна смерть и возвращение в свой мир!

— Не смогу... — С чувством безнадежности я осела на кровать.

До этого момента держаться помогало какое-то внутреннее убеждение: выход из этого кошмара найдется. Но выход оказался тупиком.

— Да-а-а... — Старушка сокрушенно поцокала языком. — Неудачно твоя душа подвернулась. Но придется исходить из того, что есть. Я помогу.

— Обойдемся без убийства? — Я встrepенулась, надежда вспыхнула в сердце.

— Увы, предводителя маолхов ты должна уничтожить, считай его жертвой, которая спасет этот мир. Но я облегчу тебе задачу. Вот, держи!

И местное божество протянуло мне крошечную емкость — маленький сосуд, оформленный в виде кулона на длинной цепочке. Внутри была какая-то вязкая темно-бурая жидкость.

— Что это? — отшатнулась я, уже угадывая ответ.

— Яд. И одновременно не яд...

— Так бывает?

— Да, если ты не способна взять на себя роль спасительницы мира, стань слепым орудием судьбы. Это вещество не убивает. В том смысле, что, если ты добавишь зелье в пищу маолха, он не погибнет в быстротечных конвульсиях у тебя на глазах. Он всего лишь станет послушным нашей воле. И тогда уже мы сами натолкнем его на мысль о смерти. И ты ни при чем. Устраивает тебя такой вариант? Извини, но другого предложить не могу.

— А вы уверены, что он подчинится этому желанию?

Пусть наше знакомство оказалось недолгим, но у меня осталось впечатление, что в этом мужчине инстинкт самосохранения очень силен.

— Это уже не твоя забота. Определись со своим выбором. Что ты предпочтешь: существование в теле тариль и бесконечные убийства или... — И старушка трянула медальоном.

— Это. — Я сухо кивнула, осторожно приняв емкость. Выбора-то и нет. — Но как я смогу добавить зелье в пищу варвара?

Признаться, я бы не хотела, чтобы наши пути пересеклись вновь. Но выбора не оставляют — как еще я смогу подлить ему эту неядовитую смерть?

— Хороший вопрос. Думаю, с ответом ты не поспоришь: пора тебе покинуть это место вслед за маолхом.

— О да! Но я не представляю как. Эта цитадель кажется неприступной, я понятия не имею, есть ли у них выход наружу. Если только река?

Но, признаться, пловец из меня не ахти. Впрочем, это же не совсем я.

— Я помогу. — Лилововолосая женщина просто лучилась доброжелательностью, насторожив меня безмерно. — Как раз сейчас, пока все празднуют, и надо бежать, позже хватятся.

— Но там вокруг воины орды! Если честно, попасть им в плен желания тоже нет.

И вообще, вдруг можно отсрочить судьбоносную встречу со всеми вытекающими обязательствами.

Надо бы найти еще кого-нибудь, сведущего в вопросах перемещения душ, и выслушать его точку зрения на мою ситуацию. Полагаться на единственное мнение я не привыкла. Мало ли, вдруг эта дама пристрастна и использует меня втемную?

— Есть одна тропинка через горы. Если пойдешь этим путем, сможешь миновать воинство маолхов.

Звучит как песня.

— Да, я предпочту этот вариант.

— Что ж... — Незнакомка совсем не по возрасту резво спрыгнула с кровати и метнулась к стене. — Тогда прямо сейчас и пойдём?

— Прямо сейчас? — растерялась, спешно озираясь вокруг. Что же прихватить с собой? — Я с мыслями еще не собралась. Столько вопросов...

— Все потом, — отмахнулась старушка. — Время дорого. Больше шанса на побег может не подвернуться.

С этими словами, вдавив в определенной последовательности три камня, она отодвинула часть стены, за которой обнаружился узкий проход. В него женщина и проскользнула.

Твою же мать! В сердцах проклиная собственное «везение», подхватив на бегу какую-то еду и, кажется, кинжал, я рванула следом. Стена уже поскрипывала, подсказывая мне, что проход готов схлопнуться.

— А как быть с зельем? Если варваров я миную, как мне добраться к нужному маолху? — прошептала в темноту, двигаясь на ощупь и надеясь, что моя провожатая расслышит.

Не оставляло ощущение — что-то тут не клеится в этой задумке. Но времени разобраться не дают. Такая суматоха!

— Не сомневайся, едва до маолхов дойдет слух, что тариль покинула цитадель жестокосердных, они ринутся на поиски. Вопрос в том, как долго ты сможешь избегать встречи с ним. Но как только поймают — так сразу используй зелье. Кстати, никто, кроме

тебя, увидеть или почувствовать, а тем более снять этот медальон не сможет.

Оказывается, старушка-ураган стояла совсем рядом, поджидая меня.

— Но... — Я поперхнулась, представив собственные перспективы. Я, не знающая мира и его порядков, и тысячи местных воинов, устроившие на меня охоту совсем не из любви к ближнему. — Они меня уничтожат, едва найдут. Никаких шансов пообедать в обществе их предводителя не предвидится. А как еще мне подлить ему зелье?

— Возможность будет, об этом я позабочусь, — авторитетно прозвучало из темноты. — Главное, ты свой шанс не упусти. Поспешим!

И, схватив меня за руку, с невероятной скоростью потянула вперед. Я неслась на пределе сил, ежесекундно опасаясь врезаться лбом в какой-нибудь камень. Но в рекордные сроки, всего-то набив пару синяков и шишек, увидела забрезживший впереди свет — выход приближался.

— А как мне... — едва вынырнув из неприметной расщелины и оказавшись при свете дня, попыталась я выяснить еще что-нибудь жизненно необходимое.

— Некогда! — властно перебила меня старушка, указывая рукой в единственно возможном направлении — вперед, высокие стены ущелья не предполагали иного пути. — Поспеши, тут тебя легко поймать в ловушку, надо спуститься на равнину. А мне срочно пора в другое место. И не забывай, твоя цель — предводитель маолхов!

Последнее она прокричала, в буквальном смысле истаивая в воздухе.

Твою же... Я влипла в неприятности, факт.

Не представляя, как действовать сейчас, шагнула вперед, назад возвращаться желания тоже не возникало. Буду плыть по течению.

Скрипя зубами и по инерции пялясь на то место, где только что стояла эта несносная женщина, я мысленно выругалась. Как матрос. Желание повидаться с варваром совершенно испарилось.

Я бы на его месте заставила меня камни жевать после всех этих пыток!

На таком фоне даже отдаленная перспектива возвращения в прежнюю жизнь не так привлекала.

В следующий миг, но в другом месте.

Воин устало присел у реки, зачерпнул ладонями воду. Плеснул ее в лицо, смывая пот и кровь. Последние сутки изменили его жизнь невероятным образом, и сейчас мужчина нуждался в одиночестве, желая обдумать случившееся.

Внезапно ощущение чужого присутствия заставило его вскочить на ноги. Именно в этот миг рядом на высоком валуне появилась прекрасная юная девушка с волосами лилового цвета, струящимися по плечам. Воин, едва осознав, кто перед ним, поклонился.

— Великая Мать! — с почтением приветствовал он появление богини равновесия и хранительницы мира. И тут же покаянно признался: — Я не смог выполнить ваш наказ. Стены цитадели высасывали из меня силы, не позволяя использовать собственную мощь.

— Я знаю, — ласково всматриваясь в мужчину, как в любимого сына, откликнулась прекрасная женщина в платье, словно сотканном из невесомых лучей радуги. — И не порицать тебя явилась. Наоборот. Я помогла тебе, сумев выманить физическое воплощение Талл из цитадели. Она направляется в долину по северному ущелью, если поспешишь, перехватишь ее по дороге. Помни, выполнишь свое обещание, уничтожив тариль жестокосердных, и избавишь наш прекрасный мир от жуткого культа Талл.

— Именно тариль? — с сосредоточенным видом переспросил воин.

— Да, только ее. И помни, важно не просто убить ее, ты должен сделать это в водах озера Жизни.

— Конечно, — с небольшой заминкой кивнул мужчина, — я помню. Предстоит доставить ее туда.

— Не отправляйся к тариль сам, — посоветовала богиня. — Пошли одного из тех, кому доверяешь. Она ожидает появления воинов и будет остерегаться. Поэтому встретить ее должен кто-то другой. Пусть он приведет ее к озеру Жизни, так проще.

Есть же идиоты, которые на полном серьезе мечтают попасть в другой мир!

Пыхтя от негодования, я споро шагала по дну ущелья, стремясь в неизвестность. Сказать, что было страшно, не могу. Душа была полна не страхом, а ужасом перед неизвестностью. Как бы не оказалось, что жестокосердные — это еще цветочки. Кто его знает этот мир?

Но по мере продвижения по совершенно безлюдным местам, что меня крайне успокаивало, взгляд то и дело убегал в сторону. То на яркое солнце полюбоваться, то за высокий шпиль горного хребта цеплялся, то на клочке пробившейся между камнями сочной зелени замирал.

«Странно, травы почти нет, — как-то мимоходом мелькнула мысль. — А та, которая есть, островками ближе к вершине».

Под ногами наличествовал один камень. По бокам, сжимая меня в тиски узкого лаза, тоже. И это подсознательно беспокоило.

Вжик!

Стремительный свист заставил замереть в испуге. Зря, надо было драпать! Спустя секунду сверху накрыло сетью. Пока я в панике сообразила, что слышала звук стремительно летящей ловушки, ее дернули, крайне недружелюбно обрушив меня на землю.

Не обращая внимания на боль от впившихся в тело острых обломков горной породы, попыталась хоть кого-то рассмотреть сквозь мелкие ячейки сетки. Получалось плохо. Увидела, что камни сыплются сверху, сигнализируя о приближении... охотника.

— Рыба? — огорошил угрюмый бас. Вдобавок меня немилосердно пнули по ребрам, вынуждая перевернуться на спину.

«Почему рыба? — всполошилась я. — Мало мне встречи с недоброжелателем, так он еще и полоумный!»

— Нет, — пискнула я, с трудом переводя дыхание. — Освободи меня!

— Говорящая рыба? О-о-о... — Судя по тону, у неизвестного басовитого субъекта запустился мыслительный процесс. И очевидно, это надолго.

Отчаянно ерзая и дрыгаясь, я попыталась ослабить путы.

— Не рыба я, а женщина! — Не обращая внимания на боль от царапин, я энергично вертелась, чувствуя, что охотник, замешкавшись, не стянул сеть окончательно.

— Какая же ты женщина, если в реке? — угрюмо буркнули в ответ. При этом тяжелая рука опустилась поверх моих ног. Раз — и фиксирующий шнур стянули основательно, отрезая мне все пути к отступлению. — Думаешь махнуть хвостом и уплыть? Не на того напала, я рыбак опытный, ваши трюки знаю. Заговорить себя не дам.

— Какая река? — в ярости от чувства бессилия взвыла я. — Нет тут воды! А значит, и рыбы нет. Отпусти!

— Сейчас нет, потом будет, — философски отозвался незнакомец. Я даже рассмотрела легкое движение плеч. Больше разглядеть не получалось, громила стоял против солнца, не позволяя мне всмотреться в черты.

О чем он?

— Но хвоста тоже нет! И плавников. Это ты видишь?

— Кто же своим глазам верит? — Судя по тону, тупой верзила удивился.

— А чему тогда еще надо верить?! — взревела я, понимая, что разговор идет черт знает

о чем, а освободить меня никто не спешит.

— Богам, конечно, — подобострастно проурчали в ответ. — А мне сегодня хороший улов обещан.

— Точно не тут! Здесь нет реки, а значит, нет рыбы! Развяжи меня немедленно, иначе...

Тут я замялась, справедливо озадачившись вопросом: а что я могу?

— Рыба, ты это, зубы мне не заговаривай. Подождем, оно видно будет, есть вода или нет. И есть ли в ней рыба или нет...

В последнем высказывании я усмотрела прямой намек на себя.

— И сколько ждать? — обреченно смирилась я — сила не на моей стороне. Лежать на острых камнях под ярким солнцем в душном плену засаленных канатов — не верх моих мечтаний, но...

— Пока не надоест.

Я даже не нашла с ответом на эту вопиющую глупость. Вот только пока подбирала слова, раздумывая, как переубедить идиота, мужчина развернулся и куда-то пошел.

— Хвороста соберу. Рыбка копченая завсегда вкуснее.

Каннибал! Впору падать в обморок, но я с удвоенной энергией попыталась освободиться. Даже вопреки чувству брезгливости сделала попытку перегрызть веревки. Не получалось!

Время шло, откуда-то потянуло дымком, небо высоко над головой принялось темнеть... И тут вдалеке раздался громopodobный шум. Мне понадобилось всего ничего времени, чтобы сообразить — это шумит вода. Огромной силы стихия, которая мощным потоком несется ко мне по этому руслу!

Ущелье было не чем иным, как дном горной реки. Почему вода в ней то исчезала, то появлялась, я не думала, важнее сейчас другое.

— А-а-а! — заголосила я. — Спасите!

— Рыба, — свесившись с верхнего края острого выступа, надо мной зависла голова громилы. — Тебе молчать положено. Чего орешь?

— Вытащи меня отсюда! — взвыла я так, что все окрестные камни наверняка прониклись. — Вода!

Увы, на мою беду, повстречавшийся мне субъект не обладал и намеком на тонкую душевную организацию.

— Рыбе вода полезна, — авторитетно гаркнул он мне откуда-то сверху и исчез из поля зрения. Следом донеслось: — Вот и проверим, рыба ты или нет. Если да — всплывешь.

Инквизиция отдыхает!

— Я погибну! Погибну! Клянусь всеми богами, я не рыба! А женщина-а-а...

Кричу, уже охваченная лихорадочным страхом. Это же надо — пережить все ужасы цитадели и так нелепо потонуть.

Легкий рывок, и меня — о счастье! — тянут вверх. Впрочем, недостаточно быстро, и хлесткий удар стремительно летящей с высокогорья воды успевает накрыть с головой. К счастью, из водного плена меня извлекли вовремя, всего-то и успела, что сделать пару глотков из нахлынувшего потока.

Нежданный встречный все же развязал узел на моих ногах, позволяя выбраться из сети. От судорожных рывков промокшая рубашка на груди распаивается — это мой обретенный бюст не сумел удержаться в рамках приличий.

— И правда, не рыба.

Отплевываясь от холодной воды, дрожа под ветром в промокшей насквозь одежде, я опешила от неожиданности — мужская ладонь совсем недвусмысленно подхватила одну мою грудь, изрядно ее потискав.

— Какая наглость...

От шока совершенно позабыла про собственные обстоятельства, обратившись к привычной манере поведения. Но того, что меня вот так с ходу, не дав и отдышаться, начнут лапать, совершенно не ожидала.

— Надо пощупать, глазам верить нельзя, — так же без проблеска эмоций пробубнил мой спаситель.

— А рукам, значит, веришь? — Нервно запахивая на груди мокрую ткань и по возможности отодвигаясь назад, я принялась протирать слезящиеся глаза. Хотелось уже увидеть лицо этого наглеца.

— Рукам всякий верит, — нравоучительно поведали мне. — Глаза — другое дело, морок или иллюзию навести дело нехитрое. А уж рыбам...

Что же за рыбы у них тут?

Взгляд наконец-то прояснился, позволив мне разглядеть безобразный облик мужчины напротив. Огромный мускулистый гигант в довольно неопрятной одежде. Широкие плотные штаны, собранные за голенищами высоких, изрядно поношенных сапог, были в пятнах свежей грязи, а засаленная рубашка топорщилась пузырем поверх пояса.

Но поразило другое. Покрытое струпьями и обезображивающими следами от давних язв лицо. Даже беспорядочные, наполовину скрывшие рябую физиономию сальные волосы не способны были замаскировать ужасающую внешность незнакомца. Невольно вздрогнув, я не без чувства тревоги поежилась — не заразен ли этот прокаженный?

Он ведь явно чем-то переболел. Или болеет?

— Не нравлюсь. — Мужик беззаботно тряхнул обросшей шевелюрой и накинул на голову капюшон. Тени от него легли на лицо, слегка смягчая ужасающий вид. Но общее впечатление незнакомец производил отталкивающее. Встреть его на улице, побрезговала бы соприкоснуться, а то и вовсе поспешила бы убежать. — Ну, точно не рыба. Тем все одно.

— П-прости, — сообразив, что веду себя недостойно благодарной спасенной, отвела взгляд. Ветер был пронизывающим, и я с трудом удерживалась, чтобы не стучать зубами.

— Куда направлялась таким странным маршрутом?

— Иду... — Тут я замялась, не представляя, как можно ответить, не продемонстрировав свое абсолютное незнание.

— Так, приключений искать на свою голову, — хохотнул незнакомец. — По всем направлениям в округе воины рыщут. Ищут кого-то. Не лучшее время бродить одинокой женщине по окрестностям цитадели жестокосердных.

— В-воины?!

Я закономерно напряглась, заподозрив — по мою душу эта суета.

— Они. Говорят, предводитель воинства их направил. Может, из пленниц кто сбежал?

— Ой!

В панике всплеснув руками, поняла, что оттянуть встречу с маолхом не удастся. Куда я сбегу, не зная этого мира?

— Ты вот накинь... — С этими словами мужчина швырнул мне валявшийся неподалеку плащ. — И теплее в нем, да и никто не сунется.

Почему — вопроса не возникло. Плащ был не просто под стать своему владельцу. Он

превосходил его раз в десять своим жутким видом. Какой-то затхлый, местами покрытый плесенью и блестящий от корки сала, он выглядел старым и пыльным. Вертела плащ в руках и боролась с чувством гадливости, размышляя, как поступить.

— Едет кто-то из них, — поворотив тонким прутиком хилый костерок и мотнув головой, указывая куда-то за мою спину, буркнул верзила.

Плащ мгновенно оказался на мне. Еще и капюшон по примеру своего спутника надвинула. И замерла, боясь разоблачения — звук приближающегося топота сейчас слышала и сама.

— Эй, вы двое! — раздался резкий окрик позади. — Тариль жестокосердных не проходила?

Мое сердце замерло.

— Нет, — покачал головой мой спаситель.

А для меня наступил момент истины: отзовусь сейчас — получу шанс встретить пленного маолха, выполнить наказ Богини и... оказаться дома.

Если это был не обман. Как знать, возможно, маолхи не лучше относятся к пленным жестокосердным? А я еще и физическое воплощение их ненавистной Богини...

Сомнения в правдивости слов лилововолосой богини заставили неподвижно сидеть на месте, пока ее слова не очень-то и оправдываются. А попасться орде в облике тариль... брр...

— А второй?

И мне в бок влетел небольшой камешек. Подойти и коснуться, привлекая внимание, воин не решился. С перепугу я неподвижно застыла, судорожно соображая, что сделать.

— Дурной он совсем, — махнул в мою сторону рыбак и откинул капюшон, открывая лицо. — Мало чего понимает, прибило его волной о камни совсем мальцом.

Судя по раздавшимся звукам, всадник сдал назад. Надо понимать, внешний вид прокаженного его тоже впечатлил.

— Ясно. Увидите тариль — сообщите. За нее огромное вознаграждение правитель назначил.

Воодушевив нашу жадность новостью, он ускакал. Ссутулившись, я поникла, — сейчас даже этот «не умник» догадается. И страшно стало, вряд ли варвар меня ищет, чтобы поблагодарить за толчок в спину, обрушивший его со стены после недели пыток.

— Ты — тариль? Да быть такого не может, — подтверждая мои опасения, вслух принялся рассуждать мой спаситель.

— Нет, я не тариль. — Голос вышел ни к черту, но в моем положении странно, что я еще вообще говорю.

Я действительно не тариль. К вопросу о том, что важнее, тело или душа.

— А кто ты?

Ну, прямо мысли читает!

— Я пленница из цитадели. Сбежала.

А что еще скажешь? Не знаю, какие женщины у маолхов, но внешне я копия садисток из крепости. Увы.

— Повезло тебе, — сверля пристальным взглядом, медленно проямлил рыбак. — Вырвалась на свободу. Хотя какая свобода в жизни... Тогда пойдем?

Бодро поднявшись, мужчина принялся затапывать костер. Даже шанса обогреться мне не оставил. А тело заоченело во влажной насквозь одежде.

— Куда? — настороженно спросила я.

Стоит ли полагаться на так неожиданно встреченного незнакомца. Да еще такого странного.

— Греться.

Это он правильно буркнул, в самую точку попал. Ни на что другое я бы сейчас не повелась. За возможность отогреться я на все соглашусь. А потом и посмотрю, как быть дальше. Незнакомец же, не проявив и толики интереса к моей реакции, не оборачиваясь, двинулся дальше. Напуганная перспективой остаться в одиночестве, я, спотыкаясь и с трудом двигаясь, побрела за ним.

Спускались мы с довольно крутого края горы, стремясь к равнине у подножия. Оказывается, я не дошла совсем немного, еще пара часов ходьбы, и я бы выбралась из ущелья. Наверняка успела бы до появления потока.

А там... А там воины. И варвар! Вспомнив о том, что равнинная территория вокруг цитадели наводнена ордой, я поняла, что встретить знающего попутчика — это не так плохо. — А кто он, этот неожиданный попутчик?

Почему в таком странном месте бродит этот прокаженный? Задумавшись, не заметила солидного валуна и упала, зацепившись ногой за камень. Мужчина впереди не обернулся. Превозмогая боль и давясь слезами, я с трудом встала и побрела дальше. К горе примыкал лес, именно к нему и стремился мой провожатый.

От невероятных усилий я согрелась. К тому же плащ он не отобрал, я так и не сняла грязный капюшон с головы.

Достигнув леса, мой попутчик, не сбавляя скорости, двинулся вглубь древесных зарослей. Я старательно переставляла ноги, придерживая руками полы грязного, хлопающего на ветру плаща, и спешила за ним. Робкая мысль направиться своим путем покинула меня еще в процессе спуска. Бросив взгляд по сторонам, я заметила два больших отряда воинов у самого предгорья.

Они, на наших глазах рассредоточившись по парам, принялись прочесывать территорию. Еще больше воинов виднелось в отдалении, они буквально наводнили долину. И пусть они казались слабее моего недавнего пленника, но все маолхи явно были тренированными и вооруженными противниками. Истинная тариль, возможно, могла бы оказать им достойное сопротивление, но не я...

Они явились по мою душу, я не сомневалась.

А оттого уцепилась за единственный пока для меня шанс избежать встречи с предводителем маолхов. Уж слишком все к ней располагает, и местная богиня всеми силами сориентировала меня на этот шаг, да и сам колдун, очевидно, жаждет меня выловить.

Меня словно приготовили на роль жертвенного агнца.

Предпочитая прежде сориентироваться в ситуации и в мире, я отчаянно старалась не отстать от стремительного незнакомца. А еще переживала, как бы меня не выдало одеяние. Впрочем, после вынужденного купания оно выглядело плачевно, да вдобавок я старательно заворачивалась в безразмерный плащ.

На подступе к лесу воины решили на перехват, но, подъехав ближе и рассмотрев нас, опасливо остановились. Рыбак обернулся к ним, демонстрируя изувеченное болезнью лицо, и низко поклонился, выражая почтение. Я поспешила повторить его маневр с поклоном, сгибаясь еще ниже.

В итоге вплотную к нам они, как и первый встреченный воин, не приблизились. Зато я

смогла рассмотреть животных, на которых они восседали. Это были крупные ящеры.

Лес, узким клином врезавшийся в скалу, расходился от нее широким полукругом, образуя где-то дальше большой массив диких зарослей. Но, вопреки моим надеждам, и там мы несколько раз натыкались на патрули. К счастью, их реакция была неизменна — нас сторонились. Игнорируя ушибы и царапины, я продиралась вслед за незнакомцем, который, казалось, вовсе забыл о моем существовании.

Быстро я подметила, что мы движемся параллельно руслу небольшой речки. По моим подсчетам, шли мы часов пять, и, когда день явно пошел на убыль, я почувствовала, что воздух стал более влажным. Еще через полчаса послышался характерный шум.

Рядом море!

Лес оборвался внезапно, выпустив нас на пологий каменистый берег. Широкая, продуваемая всеми ветрами полоса каменной породы со скудной растительностью. Присмотревшись, в подступающих сумерках я заметила впереди очертания каких-то строений. Неказистые домики, сложенные из крупных, плохо отесанных камней, с кривоватыми и потемневшими от непогоды деревянными крышами.

К самому крайнему, стоящему на большом отдалении от прочих, и стремился мой спутник. Приблизившись к двери, которая больше напоминала дощатый щит, остановился, задумчиво уставившись на море и заходящее солнце. Он монументальной громадой возвышался на фоне заката. Ветер, что хлестал меня, словно подгоняя, его, казалось, не беспокоил.

С чувством облегчения, в предвкушении скорого отдыха я добрела до двери. Стоило ухватиться за ручку с отчаянным желанием оказаться уже в тепле, как меня задержали. Мужская ладонь ощутимо надавила, опускаясь поверх моей руки, мешая мне распахнуть дверь.

— Не припомню, чтобы приглашал тебя.

Я споткнулась. Действительно, не приглашал, но для меня это было чем-то само собой разумеющимся.

[Купить полную версию книги](#)